

ЛОГОС

ФИЛОСОФСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1993
№4

МОСКВА

№4 1993

ЛОГОС

философско-
литературный
журнал

ΕΠΙΣΤΑΣΙΣ

Москва, 1993

Разговоры

Н. М. сказал: Меня интересует — питание; числа; насекомые ¹; журналы; стихи; свет, цвета; оптика; занимательное чтение; женщины; пифагорейство-лейбницеизство; картинки; устройство жилища; правила жизни; опыты без приборов; задачи; рецептура; масштабы; мировые положения; знаки; спички; рюмки, вилки, ключи и т. п. ²; чернила, карандаш и бумага; способы письма; искусство разговаривать; взаимоотношения с людьми; гипнотизм; доморощенная философия; люди XX века; скука; проза; кино и фотография; балет; ежедневная запись; природа; «АлександрГриновщина»; история нашего времени; опыты над самим собой; математические действия; магнит; назначение различных предметов и животных; озарение ³; формы бесконечности; ликвидация брезгливости; терпимость; жалость; чистота и грязь; виды хвастовства; внутреннее строение земли; консерватизм; некоторые разговоры с женщинами.

Н. А., отвечая на тот же вопрос, произнес: Архитектура; правила для больших сооружений. Символика; изображение мыслей в виде условного расположения предметов и частей их. Практика религий по перечисленным вещам. Стихи. Разные простые явления — драка, обед, танцы ⁴. Мясо и тесто. Водка и пиво. Народная астрономия. Народные числа. Сон. Положения и фигуры революции. Северные народности. Уничтожение французигов ⁵. Музыка, ее архитектура, фуги. Строение картин природы. Домашние животные. Звери и насекомые. Птицы ⁶. Доброта-Красота-Истина. Фигуры и положения при военных действиях. Смерть. Книга, как ее создать. Буквы, знаки, цифры. Кимвалы. Корабли.

Д. Х. сказал, что его интересует ⁷. Вот, что его интересует: Писание стихов и узнавание из стихов разных вещей. Проза. Озарение, вдохновение, просветление, сверхсознание, все, что к этому имеет отношение; пути достижения этого; нахождение своей системы достижения. Различные знания, неизвестные науке. Нуль и ноль ⁸. Числа, особенно не связанные порядком ⁹ последовательности. Знаки ¹⁰. Буквы. Шрифты и почерка. Все логически бессмысленное и нелепое ¹¹. Все вызывающее смех, юмор. Глупость. Естественные мыслители ¹². Приметы старинные и заново выдуманные кем бы то ни было. Чудо ¹³. Фокусы (без аппаратов) ¹⁴. Человеческие, частные взаимоотношения. Хороший тон. Человеческие лица. Запахи. Уничтожение брезгливости. Умывание, купание, ванна. Чистота и грязь. Пища. Приготовление некоторых блюд. Убранство обеденного стола. Устройство дома, квартиры и комнаты ¹⁵. Одежда, мужская и женская. Вопросы ношения одежды. Курение (трубки и сигары). Что делают

люди наедине с собой. Сон. Записные книжки. Писание на бумаге чернилами или карандашом. Бумага, чернила, карандаш. Ежедневная запись событий ¹⁶. Запись погоды. Фазы луны. Вид неба и воды. Колесо ¹⁷. Палки, трости, жезлы. Муравейник. Маленькие гладкошерстные собаки. Каббала ¹⁸. Пифагор. Театр (свой). Пение. Церковное богослужение и пение. Всякие обряды. Карманные часы и хронометры. Пластроны. Женщины, но только моего любимого типа. Половая физиология женщин. Молчание.

Л. Л. интересуется: Время. Превращение и уничтожение пространства. Несуществование и непродолжительное существование (например, — запах, теплота, погода). Исследование смерти. Как может быть частный случай. Мировые линии, слова, иероглифы ¹⁹. Тело, рост, дыхание, пульс. Сон и видение себя во сне ²⁰. Сияние, прозрачность, туман. Волна ²¹. Форма дерева. Происхождение, рассечение и изменение ощущений. Гамма, спектр. Черный цвет. Смысл чувства (например, — ужас, головокружение) ²². Неубедительность математических доказательств. Строение круга. Вращение, угол, прямая. Шахматная доска, как особый мир. Рай, нравственность и долг. Правила жизни. Счастье и его связь с некоторыми веществами и консистенциями. Чистота. Что значит прекрасное. Окраины, пустыри, заборы; убогость, проституция. Описи, энциклопедии, справочники, иерархии. Предки, евреи. Типы женщин. Причины полового тяготения ²³. Судьбы жизней. Траектория революции. Старость, угасание потребностей. Вода, течение. Трубы, галереи, тубики. Тропическое чувство ²⁴. Связь сознания с пространством и личностью. О чем думает вагонновожатый во время работы. Волосы, песок, дождь, звук сирены, мембрана, вокзалы, фонтаны. Совпадения в жизни. Длительность при общении, когда минует уже и интерес, и раздражение, и скука, и усталость. Одинаковое выражение лица у разных женщин в некоторые моменты.

Я. С. беседа с Л. Л. сказал: У Чехова в одном рассказе женщина смотрит на бутылку на окне, на дождь и мужика, проезжающего по улице, и не знает, к чему бутылка на окне, к чему дождь или мужик, т. е. у нее не мысли, а тени. Мне, да я думаю и всем, это должно быть понятно.

Л. Л. нашел в еврейской энциклопедии описание праздника возлияний, оно ему понравилось: «Кто не видел радости водочерпания, тот не видел радости в своей жизни. Благочестивые люди и общественные деятели плясали перед народом и распевали хвалебные песни, а хор левитов, расположенный на пятнадцати ступенях, ведших из мужского отделения в женское, играл на разного наименования инструментах, распевая в это же время псалмы восхождения. Член синедриона, правнук Гиллеля, раббан Симон бен Гамман не стеснялся жонглировать для увеселения народа, подбрасывая и подхватывая восемь горящих факелов, без того, чтобы они на лету не сталкивались. Настроение было глубоко религиозным. Одни восклицали: Блаженна наша молодость, что за нее не приходится краснеть нашей старости. Другие же пели: Блаженна наша старость, что искупила грехи

нашей молодости!»

Я. С. сказал: Есть три писателя — Сервантес, Гоголь и Чехов. В древности Аристотеля называли просто Философом. Так и Чехова можно называть просто Писателем.

Я. С.: Почему богословские и мистические книги, после Евангелия написанные, имеют неприятный привкус?

Л. Л.: Писавшие их стремились к власти... Они основывались на Евангелии, а оно отрицает пользу книг.

Л. Л.: Можно представить себе человека, не покупающего билета в лотерею из боязни проиграть, даже если билет бесплатный. Таков и ты, Я. С., отрекшийся от любви, знакомых и многого другого.

Я. С.: Это не так. Это вышло случайно...

Затем: Удовольствие, например, от массажа, говорит Я. С., имеет две стороны, как бы душу и тело.

Затем: Некоторые положения и события кажутся различными, на самом деле они на одном стебле. Поэтому и говорят, рассказывая сон: Тут зазвонил звонок, или зажглась электрическая лампочка, а может быть случилось что-нибудь другое. И поэтому Я. С. однажды казалось, когда он шел по краю панели, что он улитка и ползет по краю листа. Это не галлюцинация, не сравнение, и не мечта.

Пили водку за выздоровление Н. М. 22 июля (Запись Д. Х.)

Л. Л.: Счастливы вы, что не прекращаете работы и знаете точно, над чем работать.

Н. А.: Это кажется, что я знаю. А работать надо каждому, несмотря ни на какие обстоятельства.

Л. Л.: Да, на них следует смотреть, как на неизбежное, может быть, собственное отражение или тень. Или второго игрока, нужного для шахматной партии. Но есть другое, что препятствует: ошибка или непоправимое преступление, допущенное ранее. Тут, я думаю, ничего нельзя вернуть. А плодоношение, ведь, только признак правильной жизни и я бы сказал чистоты.

Н. А.: Вы во власти преувеличений и смотрите внутрь, куда смотреть не стоит. Начать по-новому можно в любой момент, это и будет искупление.

Л. Л. подумал, что это упрощение. В том-то и ловушка времени, что произвольное в какой-то момент, потом становится незабываемым. Дерево выбрало неправильный угол роста, что тут поделаешь, когда это уже осуществилось?

Затем: Удивительная легенда о поклонении волхвов, сказал Н. А., высшая мудрость — поклонение младенцу. Почему об этом не написана поэма?

Затем: Чудеса Евангелия не интересны, но само оно кажется чудом. И как странна судьба его, на что обычно не обращают внимания: в нем всего одно предсказание и оно, уже скоро выяснилось, не сбылось; последние слова действующего лица — слова отчаяния. Несмотря на это оно распространилось.

В чем суть опьянения?

Н. А.: Его можно сравнить с курением или чесанием; раздражение кожи, легких, стенок желудка. В этом удовольствие.

Я. С.: Одной физиологией не объяснить. Суть в освобождении от личного, самого неприятного, что есть в мире.

Л. Л.: Предметы схватываются глазом более четко, цельнее. Они как бы вырастают или готовятся к полету. Да, они летят ²⁵. Человек теряет свое место среди предметов, подвластность им. Это и дает освобождение от индивидуальности.

Затем: О планере: он мог, ведь, изобретаться в любую эпоху, может быть так и случилось, а потом снова забывали. И о плавании и полете.

Н. А.: Я переплыл реку с поднятыми руками! (Он воздал похвалы плаванию: плывущий испытывает радость, недоступную другим. Он лежит над большой глубиной, тихо лежит на спине, и не боится пропасти, парит над ней без опоры. Полет — то же плавание. Но не аппаратный. Планер — предвестие естественного полета, подобного искусству или полетам во сне, об этом и мечтали всегда).

Я. С.: Планер, или лекарство, продляющее жизнь на несколько лет, или сорт ликера, все это одинаково безразлично, не имеет значения; когда придет смерть, не об этом вспомнишь.

Л. Л.: Тот, кто делит мир на вещественное и иное, как линией лист бумаги, совершает ошибку. Я. С.! Ты думаешь, что возвышаешь мир, открывая иное, и не будучи в состоянии сказать о нем ни слова. Ты оказываешь неуважение ему. Наверное, все вещи многозначительны, хотя и в разной степени. Полет освобождает от тяготения, а оно основное образующее тела. Поэтому полет и освобождает. Что же касается до мысли перед смертью, то, может быть, этой мыслью будет некоторый эпизод детства, или свет сквозь ресницы, или что другое, мы не знаем этого. Но полет и плавание служат изучению жизни и смерти.

Я. С. и Д. Х. ехали на 38 номере; (Запись Д. Х.).

3-го августа Н. М. и Д. Х. собрались у Н. А. в Эрмитаже. Н. М. говорил о методе писать стихи, о прекращении жажды к разнообразию и о желудочной теории.

Н. А. говорил: Поэзия есть явление иератическое.

Д. Х. говорил в тот вечер мало.

Мы пили пиво и ели сыр, кроме Н. М., которому еще после болезни нельзя много есть. (Запись Д. Х.).

Н. М. и Л. Л., возвращаясь из водолечебницы, говорили:

О зрении.

Л. Л.: Как известно, изображение в глазу получается перевернутое; между тем видим мы все правильно. Почему? Вверх-вниз: это только отношение к движению тела или руки, оно определяется ориентировкой по уже известным по положению предметам и движению глаза. В том случае, когда этими признаками пользоваться нельзя, возможна ошибка. Это подтверждает опыт с булавкой: ее подносят так близко к глазу, что видна уже не она сама, а ее тень, падающая

на дно глаза; и она видна в перевернутом виде.

О границах тела.

У низших организмов бывают болезни, при которых их насквозь прорастают чуждые жильцы, водоросли или бактерии. А они продолжают жить, точно и не замечая этого... Ногти в начале живые, сам человек, а в конце их можно стричь и резать, как режут дерево или железо.

О науке радости.

Можно ли достичь, чтобы радость была обычным состоянием. Л. Л. думает, что можно. Неприятности на девять десятых воображаемы; они происходят от зависти, представления себя на месте другого, или от горечи при представлении возможного будущего. Но ведь все это на самом деле не реально. Человек выходит без галош, потом ему кажется, что пойдет дождь и он уже огорчается. А ведь если и пойдет, то на самом деле в этом неприятности никакой нет или она ничтожно мала. Радость под руками, но чтобы ее ощупать, надо скинуть привычки мешающие этому, пройти через некоторый аскетизм. Он будет легко отряхивать все неприятности, как пыль с одежды, современный святой, он будет всегда радостный, хотя и не веселый. И даже боль тут не препятствие. Разве боль от одеколона после бритья (заметил Н. М.) не одна из самых острых болей? Но мы знаем, на нее не стоит обращать внимания, и не замечаем ее... Радость и горе не противоположности и безразличие не середина между ними, как нет среднего между целым и растрескавшимся. Радость нормальна.

О сфинксах. Н. М. считает, что в них действительно заключены загадки, но не аллегорически, а буквально. Это каменные ребусы. Искусство, верно, и началось с задавания загадок.

О выражениях воды.

Н. М.: В любом пятне или подтеке всегда видится прежде всего лицо. Бесконечные выражения лиц, это выражение воды.

Об американцах.

Н. М.: В них есть нечто старинное. Сотни обычных вещей они делают по-своему, точно и скромно, как йоги.

О спорте.

Н. М.: Он хорош, пока личное дело и бесстыден, когда собирается много людей.

Разговор шел от Калинкина моста до Летнего сада.

А. В. прочел «На удаление зуба» 26.

Л. Л. эта вещь очень понравилась, так же как и Д. Х. Потом Д. Х. изобразил полет мухи: подняв глаза и разводя руки, он повторил несколько раз: Тю-тю-тю. Этим он рассмешил всех.

Я. С.: Твоя ошибка в том, что ты классифицируешь. Если разделить на четыре рода, их окажется пять; на пять, будет шесть. Поэтому не надо искать числа, а просто описывать один из родов. Если хочешь, дели на такое и не такое.

Л. Л.: Но в математике есть же классификация.

Я. С.: Это другое дело. Там не общая точка зрения, а частная.

для данного случая. Так, тройное деление правильно лишь для треугольников на плоскости, для иных нет. Всех же, наверное, не охватить, в самом таком задании ошибка.

Л. Л. не согласился. Но его одолевала простуда. Я. С. тоже был простужен. Разговор затих.

Сон Я. С.: Ему вновь привиделся его бывший учитель Г²⁷. Тот был просветлен, но не интересен. Встреча произошла очевидно на железнодорожных путях, были тут рельсы и провода. Я. С. попросил подбросить его вверх: испытание на чудо. Если делает, тогда неинтересно: значит, это призрак, ведь Г. давно умер. Неужели не догадается? — думал Я. С. Нет, не догадался и подбросил, высоко, но все же это можно было объяснить и естественно. Я. С. вновь попросил о том же. На этот раз учитель подбросил его выше телеграфных проводов. Значит, чудо. И сразу учитель стал Я. С. неинтересен и пропал. Ведь во сне так всегда: что становится безразличным, то перестает существовать.

Я. С.: В представлении о чуде погрешность; представишь, что оно осуществилось, и уже не интересно.

Л. Л.: Чудо, верно, все-таки не в факте, а в стиле.

Д. Д. и Л. Л. говорили об архитектуре, почему дома надо строить из камня.

Камень — шероховатое, твердое тело, на нем печать страшно медленного и долгого изменения; он тяжел; он вышел со дна моря или из земли; у него свой состав.

Здание охватывает пространство в высоту. В нем должна быть прочность и долговременность. Оно хранит. Глыба, положенная на глыбу, дает возрастание прочности. А металлическая конструкция, чем больше, тем более хрупка. Каменная архитектура есть использование тяготения, игра с ним; металлическая — использование сил сцепления.

Дерево это ткань, оно продукт роста и подвержено разложению. Бетон аморфен, как газ. Камень же не аморфен и не ткань, а стихия. Он не отлит по случайной форме и не сломлен, а высечен. Он консерватизм земли.

Очень трудно сказать, в чем тут дело. Камень долговечен. К нему прикасаешься с уважением.

Н. М.: Замедленная съемка показывает, как грустны все движения человека. Но интереснее было бы снимать так не ходьбу или падение, а человеческое лицо.

Н. М. скромно пил чай, развивая перед хозяевами свои любимые теории питания. От взора его не ускользнуло, что муха села на блюде с сахаром. — Смотрите, — сказал Н. М., — муха минует одни сахарные песчинки и стремится к другим. Это показывает, что они в действительности не одинаковы. Вряд ли, чтобы у мух не было индивидуальных особенностей вкуса, как и у людей.

Н. М.: У Н. А. непременно должны быть глисты в кишках. Этим я объясняю прекрасный цвет его лица. — Н. М. говорил серьезно.

Н. М. считал себя знатоком эндоптического зрения. Его занимало, что делается у него в глазу. Он наблюдал пятна или помутнения, искры и волокна. Пятна плывут группой медленно на границе поля зрения, пока не пропадают. Искры совершают непрерывное движение, как туча мошек вечером перед хорошей погодой. Волокна крупны, они бледны и неподвижны. Есть еще другие волокна, крупнозернистые, они похожи на водоросли или морские животные.

Н. М. на основании различия движений этих телец и их размеров (оң вычислил их), устанавливает, что видит человек в своем глазу. Он считает также, что пятна находятся довольно далеко от дна глаза, это сгустки в стекловидном теле, они поворачиваются вместе с глазом и уплывают из-за стремления уловить их в центр зрения. Искры или светлые точки, наоборот, обладают самостоятельным движением.

Л. Л. с горечью говорил о крушении Словаря 28.

Л. Л.: Ни ты, Я. С., ни те другие, не желаете сотрудничества и не способны к нему. Вы не подчиняетесь даже тем правилам, которые сами установили. А главное, каждый из вас уверен, что только он и делает замечательные вещи; в других людях собственно никакой нужды нет. Неуважение к соседям — незавидная привилегия. Да, вы не потратите усилия, чтобы вникнуть, что считает другой. Капризность и истерический деспотизм одного (Я. С.), несокрушимый эгоизм и суетность другого (А. В.), недоверчивость к смыслу всякой работы и лукавство третьего (Н. М.), вот, что есть на самом деле.

Я. С.: Ты бы сам что-нибудь делал, тогда, может быть, были бы результаты.

А. В., тот легко и с готовностью покаялся.

А. В.: Мне дико везло это время в карты. Каждую ночь я проводил в ресторане и не засыпал раньше шести. Так что даже устал и все это надоело. В валютном баре в еще пустой комнате, я видел девушку, сидевшую на ковре и ожидавшую иностранцев...

Д. Д. предложил Л. Л. писать вместе книжку о последних днях перед весной 1914 года, о расцвете того времени и неизбежной, все же неожиданной катастрофе. Люди, которые суетились и решали. И вот, все кончено, невозвратно.

Д. Д. и Д. Х. впервые познакомились друг с другом. Они разговаривали о замкнутости эр, о неправомомерности выхода из своей эры; о ложности понятий «первобытный человек» и «первобытная земля», — их никогда не было, всегда была своя высота и своя сложность; о постоянном идейном имуществе человечества; об увядании нашей науки.

Интересно, что они не слушали друг друга, но остались один другим вполне довольны.

Л. Л. время от времени входил в разговор. Н. А. писал шуточную оду и сам от удовольствия смеялся. Н. М. спал в соседней комнате.

Т. А.: Почему в человеческом устройстве есть что-то постыдное и унижительное?

Л. Л.: Это нечистота от противоречия между индивидуальностью и природой. Когда у морского животного через каналы непрерывно протекает вода, это и его питание и выделение, тут нет ничего шокирующего. Но ведь и само это животное почти жидкость. В человеке неизбежно сохранен тот же принцип, но человек уже резко ограничен от среды и чужд ей. Грязь, это и есть постороннее или лишнее, притом основное вещество.

Н. А. прочел: «Облака» 29.

Л. Л.: Поэмы прошлого были по сути рассказами в стихах, они были сюжетны. Сюжет — причинная связь событий и их влияние на человека. Теперь, мне кажется, ни причинная связь, ни переживания человека, связанные с ней, не интересны. Сюжет — несерьезная вещь. Недаром драматические произведения всегда кажутся написанными для детей или для юношества. Великие произведения всех времен имеют неудачные или расплывчатые сюжеты. Если сейчас и возможен сюжет, то самый простой, вроде — я вышел из дому и вернулся домой 30. Потому что настоящая связь вещей не видна в их причинной последовательности.

Н. А.: Но должна же вещь быть законченной, как-то кончаться.

Л. Л.: По-моему, нет. Вещь должна быть бесконечной и прерываться лишь потому, что появляется ощущение: того, что сказано, довольно. Мне кажется, что такова и есть в музыке fuga, симфония же имеет действительно конец.

Н. А.: Когда-то у поэзии было все. Потом одно за другим отнималось наукой, религией, прозой, чем угодно. Последний, уже ограниченный расцвет в поэзии, был при романтиках. В России поэзия жила один век — от Ломоносова до Пушкина. Быть может сейчас, после большого перерыва пришел новый поэтический век. Если и так, то сейчас только самое его начало. И от этого так трудно найти законы строения больших вещей.

Я. С. прочел «Вестники» 31. Л. Л. она очень понравилась. С значительной грустью подумал Л. Л., что хотя он и дал название и тему этой вещи, написать ее он бы не мог.

Л. Л.: Это искусство, но это и истина. Почему так не может быть? Мы отвыкли от поэтических исследований. Между тем писали же когда-то поэмы — руководства по огородничеству. Потому что исследование и возвращение овощей казалось тогда прекрасным... Напрасно, однако, ты не упомянул о сне вестников. Кроме того исследование все же не дает ясного, осязаемого представления о том, о чем говорит. Нет перехода, цепочки, от обычных представлений к необычным. Впрочем, это мне кажется всегда о всех произведениях, что они останавливаются там, где должны были бы начаться.

Я. С.: О сне вестников надо написать особо...

Затем: о рояле.

Я. С.: В этом инструменте есть своя особая чистота, которая ощутима настоящему пианисту. Так как у меня этого ощущения нет, а также и темперамента, я и не мог бы, несмотря на мягкость тембра и некоторую свойственную мне лиричность, стать хорошим пианистом. Но однажды, наверно, всякий может сыграть гениально. Помню, когда я шел, давно, на экзамен, я очень волновался; конечно, я больше всего боялся забыть и остановиться на половине с поднятыми руками. Однако, когда я стал играть, я откинул голову и смотрел в потолок; не почему-либо, а просто так, по привычке. И я сам удивлялся, что могу делать пальцами все, что угодно. Это было, пожалуй, блаженство.

Худ и желт был Я. С., имел воспаленные глаза, но на здоровье не жаловался.

Д. Х. и Н. М. говорили о чистых стариках, которые купаются в ключевой воде каждый день и никогда ни из-за чего не огорчаются. Хотя они и пример долголетия, но противны.

Потом Н. М. смотрел сквозь дырочку в записной книжке на лампу. Д. Х. хотел объяснить закон преломления света в хрусталике, но не смог, так как забыл этот закон.

Л. Л.: Когда подумаешь, сколько поколений было до тебя, сколько людей работало и исследовало, когда видишь толщину энциклопедического словаря, проникаешься уважением. Однако это неверно. Производное и второстепенное исследовано со страшной подробностью, главное неизвестно точно так же, как тысячи лет назад. Я приведу два примера. Каждый из живших испытывал половое тяготение, удовольствие от поцелуя, некоторых прикосновений и движений. Но никто, хотя опыта тут казалось бы хватает и не нужно никаких специальных лабораторий, не объяснил, что же его тянет, в чем тут удовольствие, почему прикасаются к тому же, проделывают такие движения. Также каждому предстоит умереть. Но никто не сказал ничего толкового о смерти. Никто не поставил даже вопроса прямо: «Все, что мы видим в смерти, это уничтожение тела; все, что нас интересует — есть ли это и уничтожение жизни и сознания». Четыре слова: уничтожение, тело, жизнь, сознание. Но посмотри во все словари и книги, там нет объяснения этих слов; о них либо не упомянуто, либо идет не относящаяся к делу болтовня. Как будто на все это и не смотрели совсем. Действительно, наука уже давно не смотрит прямо, а ощупывает, изучает по мелочам и косвенно. Очевидно, потому что до сих пор, когда смотрели, ничего не видели. И понятно, почему. Ведь все принимали время, пространство, предметность мира за что-то данное, неразложимое, о чем и говорить не стоит, а надо считаться с таким, как все это есть. Это было искажение в самом начале, закрывавшее все пути. Когда, например, Декарт исходил из «Я мыслю, значит я существую», то это была уже насковзь ложная основа. Потому что с еще большим правом можно сказать, что «не я мыслю» или «я не существую», или т. п. Были взяты уже неправильно заяв-

занные узлы и вместо того, чтобы их развязывать, пошли плести дальше. Сейчас, как и всегда, надо начинать с самого начала; и поэтому понятно, что отличительный признак людей, которые это чувствуют, интерес к тому, что такое время. Ибо это замок на двери и его-то и надо открыть, а для этого развинтить. Сейчас надо задавать вопросы прямо, помня, что данные для ответа найдутся, если хорошенько присмотреться.

А. В.: Можно ли на это ответить искусством? Увы, оно субъективно. Поэзия производит только словесное чудо, а не настоящее. Да и как реконструировать мир, неизвестно. Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провел как бы поэтическую критику разума — более основательную, чем та, отвлеченная ³². Я усумнился, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием здание. Может быть, плечо надо связывать с четыре. Я делал это на практике, в поэзии, и тем доказывал. И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые. Я даже не знаю, должна ли быть одна система связей или их много. И у меня основное ощущение бессвязности мира и раздробленности времени. А так как это противоречит разуму, то значит разум не понимает мира ³³.

Л. Л.: Искусство не обязательно должно быть субъективно. Наоборот, высшее искусство, например, панихида, создавалось как имеющее объективное и непреложное значение, как обязательное. Оно утверждает свою систему. И если есть иллюзорные системы, то есть и настоящая. Например, система лепестков цветка. Подлинная система может иметь много отражений или вариантов, но она одна, иначе был бы невозможен переход из одного варианта в другой.

Л. Л. излагал Д. Д. свою теорию слов ³⁴. Она сводится к пяти принципам. Первый: слова обозначают лишь то, что они есть на самом деле — напряжение и разряжение; поэтому они не имеют предметного значения, а обозначают изменения среды подобной жидкости. Второй: таблица их исходных (дыхательных) элементов с тождественными значениями, дающие параллельные ряды, так что каждый язык как бы переплетение многих языков (рядов); состав элемента — согласная с гласной или согласная с полугласной и гласной. Третий: значение элемента неограниченно; но мы можем его очертить тремя понятиями — стремить(ся), тннуть(ся) и хвата(ить). Четвертый: все последующие значения образуются сужением и приложением к частным случаям значения исходного элемента. Пятый: формы всех слов образуются из исходных элементов по законам «вращения».

Л. Л.: Я не рассчитываю, что моя теория может быть признана. Она противоречит не каким-либо законам, а что хуже, самому стилю современной науки, негласным правилам, управляющим ее нынешним ходом. Никому даже не будет интересно ее проверять, к ней отнесутся заранее, как к решению задачи о квадратуре круга или вечного двигателя. Тот путь, которым я шел, считается в науке слишком простым, спекулятивным, заранее опозоренным. Но, говоря по прав-

де, я не считаю стиль современной науки правильным...

Затем: о Хлебникове.

Л. Л.: Я не могу читать Хлебникова без того, чтобы сердце не сжималось от грусти. И не внешняя его судьба тому причиной, хотя и она страшна. Еще страшнее его внутренняя полная неудача во всем. А ведь это был не только гениальный поэт, а прежде всего реформатор человечества. Он первый почувствовал то, что лучше всего назвать волновым строением мира³⁵. Он открыл нашу эру, как может быть Винчи предыдущую. И даже своими стихами пожертвовал он для этого, сделав их только комментарием к открытию. Но понять, что он открыл и сделать правильные выводы он не мог. Он путался и делал грубые и глупые ошибки. Его попытки практического действия смешны и жалки. Он первый ощутил время как струну, несущую ритм колебаний, а не как случайную и аморфную абстракцию. Но его теория времени — ошибки и подтасовки. Он первый почувствовал геометрический смысл слов; но эту геометрию он понял по учебнику Киселева. На нем навсегда остался отпечаток провинциализма, мудрствования самоучки. Во всем сбился он с пути и попал в тупик. И даже стихи его в общем неудачны. Между тем он первый увидел и стиль для вновь открывшихся вещей: стиль не просто искусства или науки, но стиль мудрости.

А. В. пришел внезапно, без предупреждения, и сразу проявил свойственную ему деятельность. Он звонил по телефону в разные места, интересовался ценой материи, лежавшей на столе и готов был уже ее купить, бурно ел и пил. Затем он стал с Л. Л. играть в шахматы на папиросы и уже не отвлекался разговорами.

Д. Х. и Л. Л. сидели в ванной комнате при топящейся печке и беседовали о взаимоотношениях людей.

Д. Х.: Я произвожу неправильное впечатление. Я глубоко уверен, что я умнее и менее талантлив, чем кажусь.

Д. Д. советовал Л. Л. укрепить его теорию слов данными современного языкознания. Тогда сомнения в правильности имеющих в ней звуковых законов отпадут и она станет убедительной.

Л. Л.: Я не сомневаюсь, что они сойдутся. Но это меня не интересует. Я уверен в правильности моей теории, так как проверял ее на фактах, а не на выведенных другими законами. Для этого нужно иметь влечение к языкознанию, а у меня его нет. Мне важно, что моя теория не требует никаких предварительных знаний и никакого другого материала, кроме того, который у всех под руками: слов одного языка. В этом ее отличие от современной науки: та требует особой сложной техники исследования, передаваемой через книги и университеты. А ведь мы всегда, во все времена, мечтали о знании прямом и не обставленном сложными сооружениями: Всмотрись, подумай по сути — и поймешь! Но вся наука сейчас система боковых, периферических доказательств, собрание ловких приемов угадывания. Я не верю, что для того, чтобы понять мир, нужно читать философские кни-

ги или заниматься в физической лаборатории. Мир, очевидно, устроен так, что его суть сквозит в любом его кусочке.

Д. Д.: Для чего нужен язык, в чем его функция?

Л. Л.: Он разрезает мир на куски³⁶ и значит подчиняет его. Но он, как и жестикуляция, естественный вывод природы, ее дыхание, жизнь или пение. Человек плывет на звуках, как лодка на море, чем сильнее становится волнение и больше качает, тем ему веселее. Он проделывает все более сложные движения, он узнает существование моря.

Я. С. прочел «Чем я противен».

Л. Л.: Тут есть черты национальные, а также, выражаясь твоим шифром, пртр³⁷. Это отвращение к индивидуальности, к ее неизбежной нечистоте. Такое чувство бывает обычно после полового соединения, оно давно уже замечено, как особая тоска этого события, ощущение бесцельности действия. Но у тебя оно освобождено от обстоятельств и объекта, поэтому направлено на все и прежде всего на себя.

Затем: О стиле.

Я. С.: Стиль лучше всего понимали китайцы, они говорили, самое важное — содержание. Действительно, не нужно стремиться к точности выражения. Это и недостижимо: само мышление — создавание неточностей. И однако словами можно выразить все: сочетание неопределенностей дает в некоторых случаях то, что нужно, определенность. Когда пишешь, надо только думать, что тут самое важное, и записывать то. Тогда окажется, написано хорошо.

А. В.: В людях нашего времени должна быть естественная непримиренность. Они чужды всем представлениям, принятым прежде. Знакомая даже с лучшими произведениями прошлого, они остаются холодными: пусть это хорошо, но малоинтересно. Не таков Д. Х. Ему действительно может нравиться Гете. В Д. Х. не чувствуешь стержня. Его вкусы необычайно определены и вместе с тем они как бы случайны, каприз или индивидуальная особенность. Он, видите ли, любит гладкошерстных собак. Ни смерть, ни время его по-настоящему не интересуют.

Л. Л.: А Н. М. это разве как-то интересует?

А. В.: Нет, но Н. М. подобен женщине; женщина ближе к некоторым тайнам мира, она несет их, но сама не сознает. Н. М. — человек новой эпохи, но это, как говорят про крестьян, темный человек.

Л. Л.: Он глядит назад...

Затем: О суде.

А. В.: Это дурной театр. Странно, почему человек, которому грозит смерть, должен принимать участие в представлении. Очевидно, не только должен, но и хочет, иначе бы суд не удавался. Да, этот сидящий на скамье, уважает суд. Но можно представить себе и такого, который перестал уважать суд. Тогда все пойдет очень странно. Толстый человек, на котором сосредоточено внимание, вместо того, чтобы выполнять свои обязанности по распорядку, не отвечает, потому что ему лень, говорит что и когда хочет, и хохочет невпопад.

Я. С.: Я бы предложил, чтобы судья, вынесший смертный приговор, исполнял его сам, вступив с осужденным в поединок. При этом судье бы давались некоторые преимущества в оружии. Все же был бы риск, суд избавлялся бы от нереальности, от судьи требовались бы некоторые моральные качества.

Я. С. прочел «Это и то» ³⁸ Д. Д.

Д. Д.: Это гносеология. А гносеология никому не интересна.

Л. Л.: Отвлеченность философии и ее терминология — предрассудок. «Я философ, а это эмпирическое и меня не касается», — глупая фраза.

Д. Д.: Разве, например, «Экклезиаст» отвлеченная вещь?

Я. С.: Некоторые предвидели ту перемену в людях, при которой мы сейчас присутствуем — появилась точно новая раса. Но все представляли себе это очень приблизительно и неверно. Мы же видим это своими глазами. И нам следовало бы написать об этом книгу, оставить свидетельские показания. Ведь потом этой ясно ощущаемой нами разницы нельзя будет восстановить.

Л. Л.: Это похоже на записи Марка Аврелия в палатке на границе империи, в которую ему уже не вернуться да и незачем возвращаться.

Н. А. видел сон, который взволновал его, сон о тяготении.

Н. А.: Тяготения нет, все вещи летят и земля мешает их полету, как экран на пути. Тяготение — прервавшееся движение и то, что тяжелей, летит быстрее, нагоняет.

Д. Х.: Но ведь известно, что все вещи падают одинаково быстро. И потом, если земля препятствие на пути полета вещей, то непонятно, почему на другой стороне земли, в Америке, вещи тоже летят к земле, значит, в противоположном направлении, чем у нас.

Н. А. сначала растерялся, но потом нашел ответ.

Н. А.: Те вещи, которые летят не по направлению к земле, их и нет на земле. Остались только подходящих направлений.

Д. Х.: Тогда, значит, если направление твоего полета такое, что здесь тебя прижимает к земле, то, когда ты попадешь в Америку, ты начнешь скользить на брюхе по касательной к земле и улетишь навсегда.

Н. А.: Вселенная, это полый шар, лучи полета идут по радиусам внутрь, к земле. Поэтому никто и не отрывается от земли.

Он пробовал еще объяснить свой взгляд на тяготение на примере двух караваев хлеба, одного 10 ¹/₂, другого 11 ¹/₂ фунтов, которые кладут на весы. Но не смог. И скоро прекратил разговор.

Научные разговоры.

Я. С.: О моем бессознательном затрудняюсь что-либо сказать, но мое подсознательное просто глупо.

Задача: достать упавшую в дымоход вьюшку; рукой не дотянуться, так как дымоход делает петли. Ответы:

Л. Л.: Привести слона из зоосада, он достанет хоботом.

Д. Д.: Опустить на веревке кошку, она вцепится когтями.

Д. Х.: Чтобы она вцепилась, надо сначала воспитать в кошке условный рефлекс на чугун. Это не трудно; надо натирать все металлические вещи в комнате мышами.

Затем: О чудесах природы.

Д. Х.: Сверчки самые верные супруги среди насекомых, как зебры среди зверей. У меня в клетке жили два сверчка, самец и самка. Когда самка умерла, самец просунул голову между прутьями и покончил так самоубийством.

Л. Л.: Удивительно, что крокодилы рождаются из яиц.

Д. Х.: Я сам родился из икры. Тут даже чуть не вышло печальное недоразумение. Зашел поздравить дядя, это было как раз после нереста и мама лежала еще больная. Вот он и видит: люлька, полная икры. А дядя любил поест. Он намазал меня на бутерброд и уже налил рюмку водки. К счастью, вовремя успели остановить его; потом меня долго собирали.

Т. А.: Как же вы чувствовали себя в таком виде?

Д. Х.: Признаться, не могу припомнить: ведь я был в бессознательном состоянии. Знаю только, что родители долго избегали меня ставить в угол, так как я прилипал к стене.

Т. А.: И долго вы пробыли в бессознательном состоянии?

Д. Х.: До окончания гимназии.

По приезде Н. М. с Кавказа он беседовал с Л. Л. о тюркском театре, о японских добровольцах для торпед, о бобылях и о философии интеллигенции в разные времена.

Н. А.: Что такое, по вашему мнению, физическая масса?

Л. Л.: Индивидуальность вещества. Каждое отвечает на воздействие по-своему, одно покладисто, другое нет. Мера сопротивления на воздействие, или иначе, инерция и есть масса. А так как есть много разных родов воздействия, то я думаю, можно говорить не только о массе, вычисляемой по сопротивлению движения, но и о массе термической (теплопроводности), электрической и т. п. Даже о массе логической.

Д. Д.: Об эпохах можно говорить, пользуясь медицинскими терминами. Средневековье, в отличие от нашего времени, было компенсированной эпохой. Впрочем, оно стало разрушаться уже в XVI веке. И этот перелом достиг наибольшей остроты сейчас. Но новая эпоха еще не началась, это все разложение старой, новая придет лет через сто... В Средние Века и у вселенной и у города были центр и границы.

Л. Л.: Центр и границы, это смысл.

Д. Д.: Теперь же их нет. Вселенная бесконечна и бесструктурна. В деревне центра нет, разве кладбище. В городе им прежде была площадь с колодезем; теперь площадь только проход. Лишь ночью город приобретает какое-то устройство, оно выражается в расположении линий электрического света. Дом также потерял свой смысл. В деревне кое-где еще сохранились какие-то украшения на нем, воспомина-

ния о знаках, отгоняющих чужое, знаках дома-крепости...

Затем: О знаках в жизни, которые говорят каждому ясно, что существующие сейчас представления мира неправильны. О нормальной длительности сна. Об ошибках определения времени при астрономических наблюдениях, когда наблюдатель помещает события в то время, когда они еще не произошли. О легенде призвания варягов и значении слова варяг. О деревенской бане (причем Н. А. рассказал относящиеся сюда эпизоды из собственной жизни).

А. В. и Л. Л. состязались на дальность зрения правым и левым глазом, на быстроту умножения в уме, на эрудицию (фамилии министров и членов Государственного Совета) и на то, кто больше забыл за свою жизнь.

Я. С. пришел в девять часов.

А. В. читал «Правила пользования автоматическим телефоном», вытянув ноги в желтых ботинках и гетрах. Я. С. опустил веки и сел подле него. Я. С. был мертвенно бледен.

Л. Л.: Ты бы разрешил снять с тебя маску, а то неровен час, не знаешь, что с тобой случится.

Я. С. вместо ответа заговорил о французах.

Я. С.: Они просто-напросто свиньи, страна свиней. Наверное, где больше бьют, там люди все-таки становятся лучше.

А. В.: Какое это имеет значение, народы и их судьбы. Важно, что сейчас люди больше думают о времени и смерти, чем прежде; остальное все, что считается важным — безразлично.

Л. Л.: Я же думаю, что судьбы народов не безразличны. Что в общем произошло? Большое обнищание, и цинизм, и потеря прочности. Это неприятно. Но прочность, честь и привязанность, которые были раньше, несмотря на какую-то скрытую в них правильность, все же мешали глядеть прямо на мир. Они были несерьезны для нас, вроде средневековых карт. И когда пришло разорение, оно помогло избавиться от самообмана. И нынешняя наука, например, лучше науки XVIII и XIX вв.

А. В. купил пол-литра водки; он отлил половину, так как хотел пойти еще на вечер.

Я. С.: Что Н. М., рассказывал что-нибудь интересное?

Л. Л.: Нет.

Я. С.: Почему-то человек, побывавший на лоне природы обычно глупеет.

А. В. пил, вопреки обычному, скромно: он хранил себя для дальнейших событий. «Пей, — уговаривал Л. Л., — это пробуждает угаснувшие способности».

И вот А. В. ушел на другой вечер, все равно, что в другой миг. Я. С. и Л. Л. остались одни.

Я. С.: Ты бы обязал приходящих к тебе пять-шесть человек записывать что-нибудь по заранее выбранной формуле, например: «Фалес сказал...»³⁹. Предположим, они будут ходить к тебе еще лет десять. Получится шестьдесят вещей. Можно будет отобрать штук двадцать и соединить. Это будет правильное произведение. Ведь все значи

тельные произведения составные, даже части, их составляющие, плохо связаны, например, в «Дон Кихоте».

Затем: О счастье:

Я. С.: Возраст дает не мудрость, что-то более трудно определяемое. Со мной это случилось в тридцать лет. Интересно, что в ночь на эту дату мне приснился умерший учитель⁴⁰. С тех пор я стал и писать по-другому, и показывать написанное, и думать иначе. Я понял гениальное стихотворение: «Когда для смертного умолкнет шумный день...»⁴¹. Это имеет большое значение, что прожито полжизни. И я уже не уверен, что прожито удачно. У меня теперь две формулы: «Я не считаю порядок событий, относящийся ко мне, совершенным» и «Не надо мне ни славы, ни богатства, ни почестей, мне нужна спокойная жизнь». Я совсем не тянусь к тому, что называют «общественным пирогом».

Л. Л.: Мы говорили с Н. М., что когда-то было там нищезанятие и всякое такое, вроде богоборчества, а теперь у тех людей, наверное, одна мечта, чтобы их не притеснял и уважал управдом. Впрочем, спокойная жизнь без почестей это, верно, иллюзия. Спокойствие именно дает связь с окружающим миром, ощущение, что нужен для него.

Я. С.: Я недавно думал, почему я не женюсь, не имею дела с женщинами. Я насчитал двенадцать причин. Но по правде говоря, я думаю, что причина всего одна: не было до сих пор, значит, ни к чему и дальше... Да, еще я стал интересоваться тем, что раньше мне казалось пустым: теориями счастья и блаженной жизни. Эпикурейцы, может быть, совсем и не глупы, это нерешенный вопрос. Но мне кажется, что счастье в неторопливости. И поэтому я всегда с удовольствием думаю, что вернусь домой.

Л. Л.: Я не представляю себе счастья на заброшенной станции. Неторопливость кажется счастьем, наверное, только больному или уставшему человеку. Когда я был в Новом Афоне, мне было невыносимо видеть каждое утро все то же сияющее небо, чувствовать крепкий запах тамошних растений, всю силу и цинизм той природы. Но я знал, что эта же природа была бы изумительна, если бы я был страстно влюблен, она бы тогда не подавляла, а усиливала счастье. Так что виноват был я. Неторопливость дает счастье только как пауза. И мне кажется, что счастье невозможно без торопливости и суеты, без власти и влечений. И тогда человек, спящий ночью по улице, высматривающий себе на несколько часов проститутку, кажется мне сравнительно счастливым. И кажется мне, такой должна была быть и моя судьба, от которой я неправильно уклонился. Конечно, это отчасти мрачное счастье. Однако А. В., предчувствующий сейчас неожиданности, сидя на диване рядом с малознакомой женщиной, ощущая в желудке водку смешанную с вином, живет сейчас как игрок, живет интереснее в данный момент и счастливее нас.

Я. С.: Не знаю, власть меня никак никогда не прельщала. А разговоры А. В. по телефону мне кажутся глупыми и противными, и тут я не могу ничего поделаться. Счастье я ощущал только в освобождении от торопливости. Так, недавно, когда я ехал в автобусе, мне очень хо-

телось пойти в уборную. И когда я наконец попал, куда хотел, я был искренне рад. Всякое другое счастье, по моему опыту, приходит всегда не вовремя, с опозданием, когда стремления к нему нет и приходится себя убеждать, что оно еще осталось.

Л. Л.: Да, надоедает жить в мире твердых тел. Вот шкаф, вентилятор, библиотека, я не ощущаю в них ничего нужного или близкого. Очевидно, устройство жизни таково, что счастье получается только в напряжении всех сил, в тревоге и торопливости. А дальше? Самое странное, мне все чаще кажется, что мы не имеем права на дальше, и нет нужды в нем. Это даже важнее, чем существует ли на самом деле дальше. Для мухи же не требуют бессмертия, какая претензия считать, что оно нужно нам. Индивидуальность мне часто представляется совершенно неценным, пузырек на воде, которому естественно и справедливо лопнуть. Или — два изгиба одной волны, личность и окружающее, произойдет интерференция, их не станет.

Я. С.: Нет, я не согласен.

Такой разговор произошел между Я. С. и Л. Л., двумя смертными существами.

Д. Х.: Не хотите ли пойти к Н. А.? Там уже Н. М. и кроме того еще пирог.

Л. Л.: Не совершить ли нам по пути преступления, иначе говоря предательства.

Д. Х.: Я уже совершил его однажды сегодня, но готов вторично.

И они зашли по дороге в пивную и выпили по кружке. У Н. А. прочел Н. М. «Похвалу изобретателям»⁴².

Н. А.: Мне нравится. Чего-чего тут нет. Не знаю только, хорошо ли «бирюльки».

Н. М.: Не хочешь ли ты этим сказать, что много требухи?

Тут началась особая словесная игра, состоящая в преобразовании, подмене и перекидывании словами по неуловимому стилистическому признаку. Передать ее невозможно; но очень большая часть разговоров сводилась в этом кругу людей к такой игре; победителем чаще всего оставался Н. М. На этот раз началось с требухи и кончилось головизной.

Л. Л.: Представьте себе толстый и честно написанный роман, в котором в самом конце автор вдруг решил блеснуть: «Гость в ответ покачал головизной».

За столом обсуждалось происхождение слова «каяться».

Н. М.: А по вашей теории, что это значит?

Л. Л.: «Чети-каяти», от значения «хватать, цеплять, брать» в частности затем «зацеплять другого человека действиями или словами, задирать, ругать». Оттого и — неприкаемый — «неприбранный, без приюта». «Каяться» — это значит, ругать или истязать самого себя.

Н. М.: Научите же и нас, как списывать теории с академика Марра!..⁴³ А по-моему, слова, начинающиеся на П, обозначают шар.

Н. А.: Например, шар?

Н. М.: Это иностранное слово.

Н. А.: Тогда, круг?

Н. М.: Тоже иностранное.

Между тем ели пирог и Д. Х. бесстыдно накладывал в него шпроты, уверяя, что этим он исправляет оплошность хозяев, забывших начинить пирог. Потом он стал рассуждать о воспитании детей, поучая Н. А.

Д. Х.: Надо ребенка с самого раннего возраста приучать к чистоте. И это совсем не так сложно. Поставьте, например, у печки железный лист с песком...

Младенец же спал в это время в кроватке и не знал, что о нем так говорят. Но Н. А. эти шутки были неприятны.

И вот, попив и поев, ощутили ясно, что мыслей никаких нет. Как далеко было то время, когда Н. М. провозгласил мудрость кузнечика и начертил на знамени жука ⁴⁴. Когда Д. Х. верил сам, что не сегодня-завтра он станет святым и начнет совершать чудеса; пока же подготавливался к этому, ставя себе каждый день клизмы. Тогда и другие блистали, кто чем. Теперь настала долгая эпоха безмыслия.

Н. А.: Чем заниматься друг другом и растекаться, не лучше ли поиграть молча, раз сказать нечего?

Так и поступили: стали играть в кораблики.

Д. Д., Д. Х. и Л. Л., распивая водку и закусывая копченым сигом, беседовали.

Д. Д.: Мы соответствуем немецким романтикам прошлого века, они ничего реального не дали, но остались в истории.

И он раздавал роли, кому Шлегеля, старшего или младшего, кому Новалиса, Шлейермахера и других.

Л. Л.: Сходство заметно пока лишь в первой части. Впрочем остаться в истории не такое уж утешение. Представьте себе: «Эта книга переживет вас; от вас, написавшего ее, уже ничего не останется, кроме гниющего тела, поедаемого червями, а вашу книгу будут еще переиздавать и читать в продолжение пятидесяти или шестидесяти лет».

Затем: Об отличиях народов.

Д. Д.: Древние греки чувствовали только пространство, евреи — только время. Поэтому греческая культура и прилагается так легко ко всем народам. И поэтому же они, наверное, любили мальчиков. Ослабление чувства времени проявляется прежде всего в неуважении к смене поколений, к рождению. Но можно спросить, почему же тогда у греков были мифы, и откуда у евреев способность к коммерческой спекуляции. Я толкую это как психические экскременты, чуждые им.

Л. Л.: Все это страшно неточно. Пространство надо не прогнупоставлять времени, а выводить из него. Что касается евреев, то спекуляция коммерческая сестра спекуляции философской. У евреев потеря прочности и в связи с этим стремление прикрепитьсь к абсолютному, тоска по нему, по центру, боязнь провинциализма. Это и есть то, что кто-то назвал семитической серьезностью. Чувство ребенка,

покинутого матерью, и в связи с этим застывший в глубине страх и стремление укрыться, поглубже зацепиться за окружающее, коммерческие и философские спекуляции, беспокойство. Все это могло возникнуть только при разрыве с природой, родиной, при необычайной физиологической живучести и восточном ощущении преходящести, своей слабости перед миром... Впрочем я полагаю, что все это можно было бы выяснить точнее, если бы были учтены физиологические особенности народов; это можно сделать хотя бы по статистике болезней, ведь они связаны с конституцией, особенно психические и кожные. Рассуждая же без этих данных, легко воспользоваться недоброкачественными теориями, вроде неопределенных слов о «психическом экстременте». Это немецкий способ мышления, интеллектуальный импрессионизм.

Д. Х.: Наш способ деления вообще, очевидно, неправилен. Мы как бы пользуемся целыми числами, а в природе границы проходят на каких-то дробях. Что же касается евреев, то в них что-то есть, какой-то компас.

Д. Д.: Самое трудное и тайное — время. Почему астрономия прозрачнее, чем история? Потому что там изменения так медленны, что их почти не принимают во внимание.

Д. Х.: Я думаю, что дело не в самом времени, а тут только нагляднее всего неправильность нашего человеческого метода. Болезнь во всем теле, яснее всего она проявилась в прыщике, нам и кажется, что болезнь в нем.

Л. Л.: Я думаю, что время все-таки сердцевинна, это стержень мира; вернее мир — развернутое время.

Затем: Об эпохах.

Д. Х.: Мысль о сходстве атома с солнечной системой по устройству не верна. Мир на самом деле устроен наверное остроумнее и проще. Идея эта принадлежит по типу своему не современной науке, а, скорее, науке времен Фламариона⁴⁵. Это было очень хорошее, но бесплодное время. Тогда Фламарион жил, как блаженный, взбираясь каждую ночь на свою башенку; а по утрам, наверное, на восходе солнца писал книги. Тогда появились первые автобусы, они изображались в журналах на политипажах, в квартирах и на улицах горел газ, и гордились всемирной выставкой в Париже.

Л. Л.: Время восторженного упрощения.

Д. Д.: Романтики отходили от быта и были мечтателями, мы же, наоборот, стремимся к быту.

Л. Л.: Интересно, как образуется круг людей. В Москве, можно сказать наверняка, нет таких людей. И интересно, что подходящие друг другу люди находят, натываются один на другого, будто случайно, но, как закон, всегда.

Д. Х.: Наше отличие, что мы думаем не лбом, и не затылком, а теменем, особым местом мозга.

Л. Л.: Никогда не было столько неправильностей и никогда все же не было такого ощущения правильности и величия мира.

Д. Х.: Нам бы нужен был наш журнал, особенно для П. М. А для меня свой театр.

Д. Д. стал показывать имевшиеся у него архитектурные журналы.

Д. Х.: У меня привычка каждый раз перед сном рисовать планы воображаемых квартир ⁴⁶ и обставлять их мебелью.

Д. Д.: Это сейчас единственно живая архитектура.

Затем: О хиромантах. Почему они никогда не пробовали проверить линию жизни на руках покойников в любой мертвецкой. О спиритах, почему они не садят в свой круг рядом с медиумом только что умершего человека. О повторяемости кругов в жизни, они все не доводят повторения до замыкания. О том, что наводит ужас на Д. Х., бобылях, русской бане, бородатых священниках, одном возгласе в панихиде. О драке мужиков в распушенных рубахах. их истеричности. О рынках, пахнущих уборной.

Затем: Д. Д. читал стихи Гете по-немецки. Д. Х. восторгался, Л. Л. не понимал по-немецки.

Н. А.: Книга Джинса ⁴⁷ мрачная, не дающая ни на что ответа. Поражает страшная пустота вселенной, исключительность материи, еще большая исключительность планетных систем и почти полная невозможность жизни. Всё астрономическая случайность, притом невероятная. Чрезвычайно неуютная вселенная.

Л. Л.: Все же она показывает, что вселенная имеет свой рост, рождение и гибель. Она драматичнее и индивидуальнее, чем считали прежде.

Н. А.: Конечно, звезды нельзя сравнивать с машинами, это так же нелепо, как считать радиоактивное вещество машиной. Но посмотрите на один интересный чертеж в книге, распределение шаровых скоплений звезд в плоскости Млечного Пути. Не правда ли, эти точки слагаются в человеческую фигуру? И солнце не в центре ее, а на половом органе, земля точно семя вселенной Млечного Пути.

Я. С.: Я знал Лао Цзы до сих пор только в русском переводе, который не дает о нем представления. Немецкий гораздо правильнее; но тоже не слишком хорош. Приведу один пример: в русском тексте стоит слово самка; в немецком — вечноженственное. И то, и другое, очевидно, не подходит. Но в немецком все же меньше банальностей. У Лао Цзы, оказывается, совсем не так много нравственных мест; хотя, конечно, он не безнравственный философ. Там где в нашем тексте стоит «Добродетелен властвующий над собой», надо читать на самом деле «Добродетелен бездейственный». Начинает Лао Цзы так: «Тао, которое мы знаем, не настоящее Тао, и имя, которое мы знаем, не настоящее имя». Он был старшим современником Конфуция, жил почти в то же время, что Пифагор и Будда... Хочешь, давай вместе, пользуясь русским и немецким, восстановим Лао Цзы. Это интересный опыт перевода при отсутствии подлинника, если он удастся, можно будет потом начать переводить недошедшие вещи Аристотеля, Фалеса, Пифагора и других. Работы хватит: потеряно много.

Н. А. (входя): Я меняю фамилию на Попов-Попов. Фамилия двойная, несомненно аристократическая.

Затем: О номогенезе, книге Берга ⁴⁸.

Л. Л.: Все же она не открывает законов, а только доказывает, что

они есть, дело не в случайности, и не в одних внешних воздействиях. Бергсон уразумел это прежде, но у того не было такого подбора любопытных и важных фактов. Сейчас, однако, уже открываются такие законы, теория параллельных рядов, проверенная на злаках. Параллельные ряды, это есть и в языке.

Я. С.: Ну как, Н. А., нашли вы для меня работу, не требующую особых усилий. Под усилием я понимаю всякое напряжение. Находите поскорей, а то я останусь без службы и мне очень нужны будут деньги.

Н. А.: Я бы предложил вам, если вы на меня не обидитесь, стать трубочистом. Это замечательная профессия. Трубочисты сидят на крышах, под ними разнообразные ячейки жактовских массивов, а над ними пестрое как персидский ковер небо. Да, объединение таких людей, я подразумеваю альянс трубочистов, могло бы изменить мир. Итак, становитесь, Я. С., трубочистом.

Я. С.: Не подходит. Увы, это требует особого напряжения.

Н. А. (направляя разговор в общее русло): Заметили ли вы, что в этом году первый снег выпал хлопьями, а не крупой. Это к неурожайному году. Итак, не бросить ли нам благодородную кость?

Психологический разговор.

Л. Л.: Я — безответный. На днях открыли вентилятор и меня стало в него тянуть. Хорошо, что Т. А. заметила, когда я был уже под потолком, и ухватила меня за ножку. А то еще: купаюсь я и задумавшись, сам не соображая, что делаю, открыл затычку ванны. Образовавшийся водоворот увлек меня. Напрасно цеплялся я за гладкие края ванны, напрасно звал на помощь. К счастью мой крик услышали жильцы, взломали дверь и в последний момент спасли меня.

Д. Х.: Мой организм подточен. Вчера, когда вставал с постели, у меня вдруг хлынула из носу кровь с молоком.

А. В. нашел в себе сходство с Пушкиным.

А. В.: Пушкин тоже не имел чувства собственного достоинства и любил тереться среди людей выше его.

А. В.: Недавно Д. Х. вошел в отсутствие Н. М. и увидел на диване открытый том Пастернака⁴⁹. Пожалуй Н. М. действительно читает тайком Пастернака.

Н. А. сидел у Л. Л. В это время вновь позвонил Д. Х. по телефону, опять о билетах на Реквием.

Н. А. копировал с энциклопедического словаря автографы, а Д. Д. беседовал с приехавшим Д. Х. Гете, Моцарт, Шуберт так и слышались у них в разговоре имена великих людей. Л. Л. это надоело. Он вспоминал строчки А. В. из автобиографии:

«Гениальному мужчине
Гете, Пушкин и Шекспир,
Костомаров и Пуччини
Собрались устроить пир»⁵⁰.

Затем Н. А. играл как всегда в «трик-трак» и напевал несложную

песенку: «Один адъютант имел аксельбант, а другой адъютант не имел аксельбант».

Потом о Н. М.

Он появляется в редакции без цели, как фланер, в странной одежде и спортивных туфлях зимой⁵¹. Его все всегда принимают хорошо. Он садится и начинает бесстыдно издеваться. Что, — говорит он писателю, — опять пошлятину наворотил? А редактору: Зачем вы разговариваете с ним, ведь он мошенник, ему нужны только деньги... Все это правда, но принимается с улыбкой, за остроумие. Вообще шутки его напоминают шутки Ивана Ивановича из повести Гоголя⁵² — «А хлеба тебе, наверно, тоже хочется?» К тому же они направлены на тех, кто беззащитны, кто действительно пишет плохо. Так говорит Н. М., выполняя свою общественную функцию законодателя вкусов, вроде Петрония при Нероне. Ему дана привилегия говорить правду, как в старину шутам. Так прежде принимали симпатичного и талантливого, но спившегося вконец человека. Он проходит, как особое явление природы, не входящее в обычный круг, не подчиненное общим правилам.

В конце концов к нему относятся хорошо, потому что считают за редкое и прекрасное произведение природы. А таланты нужны, как украшение, любому времени, любому строю. И поэтому ему все-таки перепадает небольшая часть земных благ. Он может, если захочет, прожить как эстетический прихлебатель.

Н. М. и Л. Л. встретились на Реквиеме.

Л. Л.: Что же вы пропали?

Н. М. (по обычаю ускользая от вопроса): У меня теперь телефон, могу его вам дать.

Л. Л. удивился.

Н. М.: Жена захотела. Телефон стоит уже три дня и до сих пор я не заметил, чтобы он приносил счастье.

Потом о Реквиеме.

Л. Л.: В нем нечеловеческая властность.

Н. М.: Да, оказывается, человеческий голос таинственен. Если им правильно пользоваться, он выше всего... А последние части написаны, кажется, уже не Моцартом, а по его указаниям, уже после его смерти.

Л. Л.: Прошу вас, не стесняйтесь и вы; если вам нужно, я с удовольствием сделаю вам это одолжение, закончу то, что вы не успеете.

А. В.: Д. Х. уже неделю питается супом, который варит сам, супом со сметками... А билеты на Реквием, которые он предлагал Н. А. и дал Н. М., были на самом деле не даровые; Д. Х. купил их.

А. В. и Л. Л. говорили о количестве денег, потребном человеку. А. В. считал, что тут нет и не может быть границ; чем больше, тем лучше. Л. Л. говорил, что много денег нужно лишь при честолюбии, чтобы не отстать от других. А так достаточно и не слишком много.

Потом о вдохновении.

А. В.: Оно не предохраняет от ошибок, как это думают обычно; зернее, оно предохраняет только от частных ошибок, а общая ошибка

произведения при нем как раз не видна, поэтому оно и дает возможность писать. Я всегда уже день спустя вижу, что написал не то и не так, как хотел. Да и можно ли вообще написать так, как хочешь? Д. Х. говорил когда-то, что искусство должно действовать так, чтобы проходить сквозь стены. А этого нет.

Л. Л.: Неизвестно, что такое вдохновение. Но оно напоминает пристальный взгляд, ясность и свободу. Это острое внимание, восхищение миром. Так что ему близки умиление, головокружение при просторе, забвение себя. И, заметь, тут есть всегда естественная легкость, как бы пропадает всегдашнее трение, и вместе пропадает ощущение времени. Откуда это и истинно ли оно? Тут пока можно сказать только приблизительно: попасть в течение мира и плыть по нему, как по течению реки. А истинно ли, это близко к другому нерешенному вопросу: когда любят, чего только не видят в женщине; действительно ли замечают тогда недоступное другим, или все это только странная иллюзия?

Затем о людях.

А. В.: Люди новой эпохи, а она наступает, не могут иметь твердых вкусов. Взять к примеру тебя, где твои вкусы? Можешь ли ты ответить на вопрос: ваш любимый писатель? Правда, у тебя на полке стоят книги, но какой случайный и шаблонный подбор! Между тем прежде были люди, которые отвечали, не затрудняясь: Я люблю Плиния Старшего.

Л. Л.: Если бы у меня не было вкуса, мог ли бы я вести четыре года работу редактора в государственном издательстве!

А. В.: Но в конце концов тебя же оттуда выгнали.

Затем снова о деньгах.

А. В.: Мама мне до сих пор простить не может, что в день, когда я выиграл в карты тысячу рублей, а она попросила у меня денег, я дал ей пятерку.

Л. Л.: Тысячу рублей? Когда же это было?

А. В.: Этой осенью. И куда они разошлись, не знаю. Помню, что купил галстук.

А. А. прочел стихотворение без названия ⁵³, жалобу на несовершенство человеческой природы.

Л. Л.: Изумительно, как тут точно и правильно поставленные вопросы остаются в то же время искусством. Оно прекрасно как преломление света. В других твоих вещах бывает, что равнодушие настолько властвует над ними, что они почти перестают быть искусством. Тут же есть особое благородство или изящество. Это элегия. В начале какой-то стороной напоминает некоторые хлебниковские вещи — «звери, когда они любят...» ⁵⁴. Но Хлебникову никогда бы не удалось сказать так просто: «Еще у меня есть претензия, что я не ковер, не гортензия».

А. В.: Это стихотворение, в отличие от других, я писал долго, три дня, обдумывая каждое слово. Тут все имеет для меня значение, так что пожалуй о нем можно было бы написать трактат. Началось так, что мне пришло в голову об орле, это я и написал у тебя, поминишь, в

прошлый раз. Потом явился другой вариант. Я подумал, почему выбирают всегда один, и включил оба. О гортензии мне самому неловко было писать, я сначала даже вычеркнул. Я хотел кончить вопросом: почему я не семья. Повторений здесь много, но по-моему, все они нужны, если внимательно присмотреться, они повторяют в другом виде, объясняя. И «Свеча-трава» и «трава-свеча», все это для меня лично важно.

Затем поехали к Д. Д., там говорили об общности взглядов.

А. В.: Если некоторые слова у людей совпадают, это уже много; сейчас можно только так говорить.

Л. Л.: Вот, я прочел гениальную книгу: «Учение о цветах» 55. Фауста я не мог дочитать, скучно, а тут все прекрасно.

Н. М.: О цветах есть у Лейбница замечательные мысли. Точно не помню, но суть в том, что цвета, это мельчайшие фигуры, треугольнички и т. п. И стекло, не пропускающее определенного цвета, это просто решетка, неподходящая для таких фигур.

Д. Х.: Что же Н. М. не расскажет вам открытия, которое он сделал вместе с женой. Они теперь работают, как супруги Кюри.

Н. М. рассказал, как взбивая белки в сосуде с инкрустациями, они вдруг заметили, что в другом сосуде на воде появилась такая же рябь квадратиками.

Д. Д.: Не от звука ли это? Звук ведь дает узоры. Проверьте это меняя сосуды.

Затем спор о бане.

Н. М.: Я примирю вас. Баня моет, ванна очищает посредством осмоса и диффузии. Это совсем другое. О, это великая вещь, две среды, разделенные перепонкой.

Д. Х. сообщил, что скоро будет жить в новой комнате.

Н. М.: А как вы устроите ее, по-левому или по-пошлому?

Л. Л.: Скажите, Д. Х., тяжело Вам оставаться в Вашей левой комнате 56, когда все уйдут и вы остаетесь один?

Д. Х.: Я понял, какую комнату я люблю: загроможденную вещами, с закутками.

Д. Д.: Все люди, очевидно, делятся на жителей пещер и жителей палаток. Вы, конечно, житель пещеры. Самые лучшие жилища — английские квартиры в несколько этажей. Устанешь заниматься в нижней, идешь отдыхать в верхней. Высота ведь дает отдых. Я даже пробовал становиться на стул, прислоняясь к печке, что ж, это было хорошо.

Л. Л.: Это легко выполнимо: делать очень высокие кресла, высотой, скажем, с шкаф. Вы приходите в гости, садитесь в кресла и беседуете, как два монарха.

Д. Х.: Даже когда в библиотеке достаешь книгу с верхней полки и читаешь ее на лестнице, не спускаясь, это приятно. Было бы удобно избирать высоту положения по теме: когда разговор снизится, оба опускаются на несколько ступенек вниз, а потом с радостью вновь лезут наверх.

Н. М.: Люльки надо, в каких работают маляры, и дергать ее са-

мому за веревку.

Д. Д.: Архитектуру до сих пор рассматривали неправильно, иначе. Но ее суть во внутреннем, жилом пространстве. Даже целый город в средние века был как бы одной квартирой, жилым пространством. Потому улицы в нем кривы и узки. Кто строит комнату себе, заботясь главным образом о проходах? Сейчас же улицы для движения, это не жилое, а мимоходное пространство.

Затем Д. Д. заговорил о романтиках.

Д. Х.: Да, вы конечно Тик. Я выпил свой чай. Налейте пожалуйста чаю бывшему Гете.

Н. М.: А вы слышали о теории, напечатанной в американском журнале? Земля — полый шар, мы живем на ее внутренней поверхности, солнце и звезды и вообще вся вселенная находится внутри этого шара⁵⁷. Конечно, она совсем небольшого размера, и если мы могли бы ее пролететь по диаметру земли, мы попали бы в Америку. Ясно, что тяготение при этом имеет радиальное направление от центра шара, оно есть отталкивание.

Д. Д.: Значит, когда мы роем яму, мы пытаемся выйти из нашей вселенной? Вот она, оказывается, пещера, вселенная.

Н. М.: И значит моя теория распространения света мгновенно неверна.

Д. Х.: Стратостат все поднимался, поднимался и вдруг оказался в Америке. Все, конечно, изумлены; как это могло настолько отклониться от направления, проверяют приборы. А на самом деле просто пролетели насквозь вселенную.

Д. Д.: Что же находится там, за шаром земли? Совершенно неизвестно?

Д. Х.: Где-то на дне океана есть дыра, через которую можно выбраться на внешнюю поверхность вселенной.

Л. Л.: Некоторые глубоководные рыбы иногда туда заплывают, оттого у них такой таинственный вид.

Д. Д.: Нет, это конец вселенной. Она начинается в центре со света, потом, на внутренней поверхности, вода и органическая жизнь, потом все тверже, пока не доходит до абсолютной твердости, за ней уже ничего не может быть.

Н. М.: Как не может быть температуры ниже абсолютного нуля. И как должен быть предел у чисел.

Л. Л.: Так что пространство замыкается землей. Если открыли бы, что не только размер вселенной, но и размер земли преувеличивался, да и все время небольшое, скажем с человеческую жизнь, все происходит за этот промежуток и только проецируется в иллюзорные бесконечные времена.

Н. М.: Есть же такая теория, что все, и события, и другие люди, и его обиды, и прошлое, и будущее, представляется одному человеку.

Д. Д.: Солипсизм? Это тупик, он ничего не объясняет.

Н. М.: Нет, ведь и сам этот человек себе представляется, он свой собственный сон⁵⁸.

Л. Л.: Сон несуществования. У меня было сказано в «Разговоре о воде» — «большому сну снится, что он маленький сон, маленький

сон, которому снится большой сон». Большой сон, это — мир, маленький — индивидуальность.

У индусов очень разработанная мифология, тысячи разных богов; но все они, говорят, существуют, пока Брама закрыл глаза.

Д. Д.: О дыре в океане, это есть еще в Гильгамеше⁵⁹. Он доходит, наконец, до подземного царства, встречается там умерших людей. Конечно, он их расспрашивает. И они отвечают: Здесь не лучше, чем у вас... Это, по-моему, лучший эпос — Гильгамеш.

Л. Л.: Индивидуальности как бы зайчики, многократные отражения одного и того же луча. Отсюда и время: описание взаимоотношения большого и маленького миров. Но как оно могло возникнуть?

Н. М.: Да, как оно могло возникнуть?

Д. Д.: Время, это рождение и рост.

Л. Л.: Время, это волна. Но это не объясняет.

Н. М.: Во всяком случае все теории о времени — четвертом измерении самые неверные и неинтересные.

Д. Д.: Я прочел роман А. В.⁶⁰; по правде говоря, он мне в целом не понравился. Это касание всего и не всегда правильное.

Л. Л.: А. В. говорил, что проза для него таинственна; ему не нравится в его романе бытовой тон. Тон пожалуй биографически-протокольный, он во многом возбуждает брезгливость. Но конец романа замечателен.

Н. М.: Я считаю, что проза А. В. даже выше его стихов. Это основа всякой будущей прозы, открытие ее. В этом и удивительность А. В., что он может писать, как графоман, а выходит все прекрасно. Недостаток его другой, в том, что он не может себя реализовать.

Л. Л.: Что это значит?

Н. М.: Найти условный знак, вполне точный. Гоголь и Хлебников его, например, не нашли. Все вещи Гоголя, конечно, не то, что нужно было ему написать, они действуют только какой-то своей эманацией. О Хлебникове нечего говорить. Впрочем, я считаю А. В. выше Хлебникова, у него нет тщеты и беспокойного разнообразия Хлебникова. Но Пушкин, Чехов или Толстой реализовали себя. В этом, очевидно, и есть гениальность Толстого: реализовать себя до конца без гения невозможно.

Л. Л.: Я понимаю это так — поставить печать. У Гоголя, я знаю, вы с этим не согласны, такова должна была быть вторая часть «Мертвых душ». Когда читаешь ее, точно всходишь на высокую гору; понятно становится, почему Гоголю казались недостойными все его прошлые вещи.

Д. Х.: А для Н. А.?

Л. Л.: Его поэзия — усилие слепого человека, открывающего глаза⁶¹. В этом его тема и величие. Когда же он делает вид, что глаза уже открыты, получается плохо.

Д. Х.: Гений, который изумительно себя реализовал — Моцарт.

Н. М. (прощаясь): Этот год был годом безмыслия, плохим годом для нас. Я думаю, в следующем начнется очень медленное оживание.

Л. Л.: Кто-нибудь уж не оживет.

Н. А.: Я заключил договор на переделку «Гаргантюа и Пантагрюэль»⁶². Это, пожалуй, даже приятная работа. К тому же я чувствую сродство с Рабле. Он, например, хотя и был неверующим, а целовал при случае руку папе. И я тоже, когда нужно, целую ручку некоему папе.

Л. Л.: Видали наших друзей?

Н. А.: Д. Х. и Н. М. были у меня. Удивительно, до чего дошло: неинтересно стало даже спрашивать друг у друга, написал ли что-либо. Было скучно, хотя Д. Х. говорил много.

Д. Д.: принес показать гравюры Пиранези⁶³.

Д. Д.: У него камни похожи на растения, а растения на камни. Почему камень оживает именно тогда, когда разрушается?

Л. Л.: Недавно я проснулся ночью и лежал без дела и сна в темноте. Знаете, тогда приходят странные мысли. Мне казалось ясным, что насекомые рождаются из психики, из плохих мыслей и чувств, своего рода самозарождение. Камень, толща, разрушаясь индивидуализируется в растения, деревья. Это похоже, как если бы кожа человека стала растрескиваться, отдельные ее кусочки поползли, стали жить и производить. Но что заставляло Пиранези рисовать это тогда без конца, тюрьмы, вокзалы, фабрики. Или в мостах и лестницах есть что-то священное, винтовая тайна?

Д. Д.: XVIII век был весь охвачен чувством разрушения и гибели. Вы не представляете себе, какое впечатление, например, произвело тогда Лиссабонское землетрясение⁶⁴. А ведь теперь, конечно, и глазом бы не моргнули.

Затем: О войне.

Д. Д.: Знаете, что больше всего напоминает война? Службу, учреждение. Или, если хотите, она нам ничего не напоминает, потому что длится все время, и сейчас. Такие времена бывают. Если бы вы, например, вдруг перенеслись в Московскую Русь, вы не нашли бы там ничего нового.

Л. Л.: Пространство, полагаю я, это схема достижимости, всех возможных переходов или усилий. Так как при построении этой схемы нет никаких особых условий, то она будет однообразной и продолжать ее можно сколько угодно: то есть пространство оказывается всюду одинаково проходимо и бесконечно. По этой схеме и располагаем мы весь мир соответственно тому, как на опыте, — или в проекции опыта, — достигаем мы каждую его часть.

Это о пространстве; теперь о прямолинейности.

Число возможных способов переходов между любыми двумя, — началом и концом, — не установлено никаким особым условием, их можно считать сколь угодно, то есть, бесконечно. Тот способ, при котором требуется наименьшее количество переходов или усилий, чтобы достичь конца, называется прямым, прямой линией. Все остальные сравниваются с ним: степень кривизны есть степень отличия от прямой.

Это о прямой; теперь о фигуре или очертании.

Можно приписать какой-либо части пространства особое условие: некоторые из вообще возможных способов переходов в нем бу-

дут невозможны. Тогда получится фигура. Почему, однако, этот показатель невозможности таких-то переходов представим только для одно- или двухмерных частей пространства? Ясно, например, в чем ограничение движений существа, ползущего по поверхности яйца, по сравнению с летающим существом. Но как представить, что и для летающего свободно какие-то пути на самом деле запрещены, хотя оно этого и не замечает?

Я думаю, это можно понять, если вникнуть в то, что такое — охват.

Переходы следуют один за другим, в очередности, в этом суть пространства. Но мы можем их представить зараз, это и будет охват. Он и дает возможность сравнения разных способов переходов. У нас имеется иерархия из трех охватов, мы называем их объемом, поверхностью, линией. Чтобы дать представление о кривизне пространства пользуются таким приемом: воображают еще один охват, при котором можно было бы сравнивать объемы по кривизне, как поверхности или линии. Я думаю, что такого нового охвата существовать не может. Это лишь фикция, позволяющая математически выразить кривизну пространства.

Но в чем же тогда в действительности эта кривизна? В том, верно, что все возможные для нас способы достижения не исчерпывают всех возможных вообще, могут быть более прямые, то есть непосредственные. Мы не вполне правильно располагаем мир в схеме достижимости.

Так, смутно, представляется мне это дело.

Я. С. не возражал, но оставался грустным.

Я. С. (жалуется входя): Я ощущаю свои три с половиной пуда и мне это тяжело. Кроме того, я чувствую свои потовые железки. В этом тоже нет ничего приятного.

Л. Л.: Это ипохондрия. Ты сам в ней виноват, ты ее взращиваешь. Разве хорошо перед сном десять раз снимать и снова надевать дверной крючок? Это суеверие. Так не трудно и с ума сойти.

Я. С.: Ты был бы прав в своих упреках и мог бы смеяться над мной, если бы я десять раз надевал дверной крючок. Это было бы конечно суеверие. Но ведь я делаю это восемь раз. Не можешь же ты требовать, чтобы я был так легкомыслен, что бросал вызов судьбе, садился, как безумный, в трамвай, сумма цифр которого составляет или делится на девять?

Затем: О богатстве.

Я. С.: Где принцесса? Где моя принцесса, куда она затерялась? Декарт имел такую принцессу, он преподавал ей науки и за это имел приличное содержание и не нуждался в деньгах. А я? Если встретите принцессу, непременно передайте, что я с нетерпением жду, когда пригласит меня к себе в преподаватели.

Л. Л.: Но, Я. С., Декарт много знал, он мог преподавать. А ты, что ты знаешь?

Я. С.: Ерунда, Декарт тоже не любил читать и был лентяй. У него была мечта: вставать поздно. Единственное его преимущество:

школа ему дала больше знаний, чем нам с тобой.

Л. Л.: У него были прирожденные способности к математике.

Я. С.: Я вроде того ребенка, который заметил, что король гол ⁶⁵. Это, кажется, моя специальность — быть таким ребенком.

Л. Л.: Есть игра, складывать пальцы по-разному, чтобы на стене получались всякие тени. У тебя такое же отношение к математике. Что ни сделаешь с числами, всегда что-нибудь получится; это конечно любопытно. Можно, например, перемножать номера телефонов. Но ты к тому же любишь еще ниспровергать. Быть тебе в математике шлессельбуржцем Морозовым ⁶⁶.

Н. М. привесят жернов на шею, за то что он соблазнил одного из малых сих. Брось математику, Я. С.! Разве мало других наук. Например, география...

Я. С.: Отстань.

Затем: Об открытиях и способе писания.

Я. С.: Когда-то полет имел большой и непонятный нам смысл. Чем кончилось? Тем, что, — как ты сам сказал, — полетел глупый человек.

Л. Л.: Это сказал не я, это сказал однажды Н. А.

Я. С. (с неудовольствием): Ну, все равно, пускай это сказал я. Но почему так получилось? И этот конец не случаен. Так будет верно и с иерографией, которой занимались мы ⁶⁷, так же неудачно, как Лейбниц. Среди великих мыслей, которые все время преследуют человечество, число их ограничено и невелико, имеется и арифметика вестников. Я говорю о расположении точек, оно принадлежит к действительно существующим вещам. Но об этом в другой раз.

Л. Л.: Райты были последними нетехническими воздухоплавателями, это придает им возвышенность. Тут разница между открытием и изобретением. Открытие, это рождение глаза из света.

Я. С.: Есть разные виды гения. Леонардо да Винчи, например, никогда ничего не кончал. И хотя это считается недостатком, ясно чувствуется, в этом была и его ценность. В этом смысле я сходин с ним. Рафаэлю, верно, стоило кистью мазнуть и получалась картина; а тому нужно было лет пятнадцать. Но выходило никак не хуже.

Л. Л.: Под гениальностью подразумевают очень разное: особую живучесть, производительность или работоспособность. Она, например, эта сила хватки, ощущение жизни и неутомимость, была, судя по разговорам, у Гете, у Наполеона. Затем особые способности, своеобразия, дающие человеку новый угол отношения к миру, как бы расцвет его с неожиданной стороны. И, наконец, особое проникновение. Здесь, наоборот, получается удивительное однообразие и совпадение для людей разных времен и народов. Если бы таких людей собрать вдруг вместе, они бы почувствовали сродство и знали бы о чем говорить.

Я. С.: Не надо писать больших вещей, это предрассудок. У Лейбница всего две большие вещи и обе скучные. Как раз по этим вещам называют его рационалистом, пишут о нем в учебниках по истории философии. Обе полемические, одна — против Локка ⁶⁸, и это уже смешно, когда человек за всю жизнь написал две большие вещи, а

обе полемические. Настоящие же мысли, гениальные, в его маленьких вещах, страницы на две, на четыре. Почему так?

Л. Л.: Я думаю, тут разница между записью и разговором. У индусов этому делению соответствовало в сочинениях суть и комментарий. Первое — открытие, то, что увидел этот человек и мог сказать только он. Второе — следствие, разъяснения и приложения, они могут со временем меняться. Им помогало в таком делении то, что они, кажется, еще не имели письменности, а память нельзя перегружать. Так же, как будто поступают и математики. Их основные работы короткие, в несколько страничек, а учебники толсты. Но разговор недолговечен, это кружение и разведка. Но запись, это объективное, в мир входит нечто новое, такое же как минерал или растение: тут нужна сдержанность.

Л. Л.: Почему-то у всех образцов имеются неприятные стороны. У Платона то, что разговаривают всегда горшечники, сапожники и гимнасты и все стараются друг друга переспорить. У Шекспира выражения вроде — пусть лопнут мои легкие! В Библии назойливые повторения, описания зданий с обязательным обозначением строительных материалов и количества локтей.

Н. А.: Быть бы Я. С. еврейским начетчиком, а он бился с пути и оттого тоскует.

Л. Л.: Его женили бы тогда шестнадцать лет, так что ему не нужно было бы об этом думать. Жена бы работала, а он предавался мудрости и пользовался почетом и уважением.

Затем: О возрасте.

Л. Л.: Старость не значит дряхлость. Некоторые способности, например, аккомодация хрусталика, ослабевают уже с самого детства. Но какие-то глубокие способности не слабеют, а расцветают с возрастом. Поэтому люди, которые не стареют, ничтожны и противны. Таков, например, критик Ч. Дряхлость же, это самоотравление плохой жизни. Иные старики как бы отбросы собственной жизни, яд своих прошлых незавидных поступков. Других испытание старостью обличает иначе. Это те, кто не делали ничего плохого, потому что по сути ничего не делали. Такие старики имеют ложно светлый вид, они незаметно и легко истлевают. Глаза становятся глупыми, прозрачными, за ними ничего нет. Тело как легкая шелуха, дунешь на нее, она разлетится и не останется от нее и следа, как будто человека никогда и не существовало.

Таблица возрастов, составленная Н. А. вместе с Л. Л.

- От 0 до 10 лет — младенец
- От 10 до 20 лет — дитя
- От 20 до 30 лет — отрок
- От 30 до 40 лет — юноша
- От 40 до 50 лет — молодой человек
- От 50 до 60 лет — зрелый муж
- От 60 до 70 лет — в самом соку
- От 70 до 80 лет — пожилой
- От 80 до 90 лет — старик

От 90 до 100 лет — глубокий старик

От 100 до 110 лет — на склоне лет

От 110 до 120 лет — маразматик

От 120 до 130 лет — при смерти

От 130 до 140 лет — агоник

От 140 до 150 лет — при последнем издыхании

Т. А.: Но ведь нормальная длительность человеческой жизни семьдесят лет. Так например считают немцы.

Н. А. (возмущенно): Немцы! У них вообще сплошное безобразие. Там, например, Тельман сидит уже который месяц в тюрьме. Можно ли это представить у нас?.. А деревья живут очень долго. Баобаб — шесть тысяч лет. Говорят, есть даже такие деревья, которые помнят времена, когда на земле не было еще деревьев.

Д. Л.: А щука? Почему ваши предки не завели себе щуки? У вас в аквариуме плавала бы фамильная щука, напоминая вам о всех живших до вас Агафонах.

Н. А. (взглянув себе на ноги и заметив на коленях заплаты): Когда буду богатым, заменю эти заплаты бархатными; а посередке еще карбункулы нашу.

Т. А.: Много вам нужно в месяц, чтобы не нуждаться в деньгах?

Н. А.: Тысячу. Первые шесть месяцев жил бы на пятьсот, чтобы выплатить долги, а потом бы в свое удовольствие.

Т. А.: Вы ведь и сейчас живете, не плачете.

Н. А.: Как сказать, иной раз и зарыдаешь, когда отовсюду разом поднажмут платежи, а платить нечем. Ну, впрочем, чего мы заговорили об этом...

А. В.: Д. Х. недавно опять выкинул штуку, без всякой причины был со мной груб. Объясняют, что это у него от нервности. Но почему эта нервность вдруг пропадает, когда он имеет дело с более важными людьми? Ты говорил когда-то: если бы тебе вдруг пришлось стать курьером или лакеем и я бы тебя встретил, я бы сделал вид, что с тобой незнаком, не подал руки. Я готов против этого всегда спорить. Но Д. Х. действительно расценивает людей по чинам. Правда, чины эти не общепринятые, а установленные им самим. Но это уже все равно. А раз так, я могу спросить, не я ли по чину выше?

Д. Л.: Перемены отношений действительно происходят, но дело в другом. Связи, соединявшие нас, несколько человек, распадаются. Найдутся другие связи, но уже совсем не те, просто по сходству профессий или быта...

А. В. сейчас это не интересовало. Ему сейчас важно было только то, что касалось его самого. Он говорил обиженно, но, впрочем, без всякой злонамеренности. Просто припадок сентиментальности по отношению к самому себе. И он искал сочувствия. Под конец он смягчился.

А. В.: А знаешь, Д. Х. однажды при дамах начал вдруг снимать с себя брюки. Оказывается, он нарочно пришел для этого в двух парах брюк, одни поверх других.

А. В. (прощаясь): И зубы у меня как клавиши, на какой ни на-

жмешь, больно 69.

Д. Д.: Конечно, лучший век для жизни был XIX. Короткий промежуток в истории, он может быть не повторится, когда человека, считалось, надо уважать просто за то, что он человек. Тогда к этому так привыкли, что думали, так будет продолжаться вечно.

А. В.: А наука того времени?

Д. Д.: Она не определяла жизни. Дарвинизм, борьба за существование, а в жизни суд присяжных, последнее слово подсудимому, постепенная отмена смертной казни. Но наука показывала: что-то подгрызает корни этого века.

Л. Л.: В конце прошлого века и в начале нашего часто в книгах, в тексте или на полях писали слово «sic» с восклицательным знаком. Почему?

Д. Д.: Это у русских меньшевиков. Оно обозначало непомерную гордыню и сектантское всезнайство, при котором все кажется так ясно, что иное мнение считается своего рода умственным уродством. Короче говоря, «sic» означало: кто не согласен — дурак.

Я. С. прочел «Признаки вечности». Эта вещь написана по поводу неудавшейся попытки Я. С. бросить курить. Она понравилась Д. Д.

Д. Д.: Прежде были рассуждения и философские системы. А теперь просто регистрация увиденных вещей. И это убедительнее.

Я. С.: Да, я уже давно не могу читать философских книг, неинтересно.

Затем: О стиле в математике.

Я. С.: Я понял, что значит метод в математике: это — стиль. Таких стилей было немного, по числу великих математиков. И может даже быть такой великий математик, который не сделал никакого другого существенного открытия, кроме открытия нового стиля. Не таков ли Н. М.? Я же лишь философ, зашедший по пути в математику; такой может сделать и открытия, но все-таки не он настоящий правитель математики.

Л. Л.: Я могу только сказать — цифры, или иначе, системы счисления, это тот мостик, на котором происходит встреча человека с числом.

У Д. Д. встретился Л. Л. с П⁷⁰. Тот излагал свою теорию сказки. Все волшебные сказки — варианты одной основной с семью действующими лицами и точной цепью эпизодов. Вот эта цепь:

Отец отлучился; запрещение что-то делать.

Это все же делают.

Появляется соблазнитель или похититель; беда.

Прощай, отчий дом! Герой едет исправлять беду.

Встреча с неизвестным существом; испытание.

И тот дарит ему подарок в путь.

Подарок указывает дорогу.

Поединок с врагом.

В поединке герой получает отметину — печать.

Добыча похитителя возвращена; теперь скорее домой!

Погоня!

Дома никто не узнает его.

Самозванные герои оспаривают его подвиг; состязание с ними.

Печать случайно открывается и свидетельствует.

Второе рождение героя.

Свадьба и царство.

Таким образом по близости любой сказки к этому образцу можно судить о ее возрасте. Сходство же сказок, конечно, не от заимствования, а от того, что все они порождены одним отношением к миру.

Л. Л.: Вы считаете это только законом волшебных сказок и даже именно этим отличаете волшебные сказки от всяких других. Но не есть ли это основа вообще всех мифов, обрядов, сюжетов, от диккенсовских романов до американских кинокомедий? Те сказки, которые не причисляются к волшебным, отличаются, по-моему, лишь тем, что в них исчезло ощущение страха, это усохшие сказки. Так, по крайней мере, мы судим непосредственно. И разве произведения Гоголя не сказки?

П. не согласился. Он боялся утратить разграничение, право на научность. Однако, он сказал, что в «Книге мертвых»⁷¹ в точности те же действующие лица, сюжет и смысл.

Л. Л.: Но в чем же этот смысл, в чем ключ сказки?

П.: Совсем кратко. Все, что разыгрывается в сказке, разыгрывается в душе; но это не представляемые, а действительные приключения. Никаких рассуждений и иносказаний в сказке нет, все точно и конкретно. И ее герои — души. У человека по древним верованиям всех народов много душ. Сколько именно? По одним сообщениям, четыре, по другим семь, девять. Разница, наверное, от того, что путешественники-исследователи плохо понимали туземцев, что они хотят сказать... Чтобы душе достичь цели, ей надо пройти через беды, разрешить точно поставленные задачи, получить коня или птицу, сразиться со змеем, добыть золотоволосую царевну и т. д. Только тогда она находит то, что ищет, что ей нужно. Что именно? Кажется, себя. В «Книге мертвых» душа всегда говорит «я — Озирис»⁷², но странствует как раз потому, что ищет Озириса.

Так говорил П. Но в голосе его не было уверенности. Может быть он не верил в то, что говорил и в другой раз объяснял бы иначе.

Л. Л.: Почему у царевны золотые волосы?

П.: Золото — свет; царевна помечена светом.

Л. Л.: Субъективного не существует, всякая ассоциация признаков действительного сродства вещей и на ассоциации и метафоры нельзя ссылаться, их следует объяснять, сводить к действительным связям. Вы говорите: золото — свет. Фрейд говорит: золото — кал, деньги. Разбираясь в значениях слов я заметил, что красное и черное — варианты одного и того же, руда, это и ископаемое, кровь и зола. Также: черное и чермное, две вариантные формы одного слова. Почему так? Цвет внутренности, разрыв вглубь, порождение мрака. А что оз-

начает змей?

П.: Это мне кажется понятным. Змей наиболее физиологичен, ползает на брюхе и не может подняться. Он становится еще страшнее, когда у него отрастают крылья.

Л. Л.: Змей, это обнаженный желудок, поглощение. Червь и чрево — варианты одного слова. Возможно, что всякий ужас есть ужас перед неопределенным. Ведь в этом и есть уничтожение: потеря своей определенности. Ужас поглощения, всасывания ⁷³, головокружение перед зыбью, отвращение к топи, дрожащему желе, медузам, касторовому маслу, вшам, клопам, паукам и т. п. К тому же и движения змеи не прямолинейны, они зыбки, извилисты или, иначе, лукавы... А почему в сказке три сына?

П.: Утроение — закон сказки. Может быть три при первоначальном, очень ограниченном счислении, значило просто: много.

Л. Л.: Вряд ли была эпоха такого счисления. А если бы была, то в другие эпохи «много» поочередно означалось бы двумя, четырьмя, пятью и т. д. В чем же преимущество трех? Я думаю, три обозначает в сказке «все», исчерпывающую полноту. На это оно имеет некоторое право. Когда «все» познается, т. е. делится, оно делится непременно на три части: устанавливается разность, а разность есть отношение двух вещей, при котором само отношение разности становится третьей вещью. Само тело человека построено по этому принципу: оно симметрично и имеет туловище... Да, и костяная нога, и лес, и волосы, все имеет свое значение. И меня всегда занимало составить алфавит вещей с их значениями ⁷⁴. Ведь в вещах нет ни символов, ни аллегорий. Но сами они кристаллизации мировых принципов. Так крик не имеет никакого постороннего значения, но он выражает боль. Поэтому к мифам надо подходить не как к ошибкам, а как к правильным наблюдениям.

Д. Д.: Существует очень много теорий, объясняющих как и когда могла быть придумана Библия. Тураев ⁷⁵ же принял ее просто за правильный исторический источник и это оказалось самым плодотворным.

Л. Л.: И еще, не надо гоняться за доказательствами. Это только иллюзия, достоверность от них не увеличивается. В самом деле, что такое доказательство? «То, что я говорю, вполне соответствует тому, что вы признали за правильное прежде». Но это прежде признанное совсем недостоверно и новое может ему противоречить. Лучше сказать: «Я вникнул и увидел, что это так; вникните и вы».

Л. Л.: Разговоры Гете с Эккерманом ⁷⁶ несравненно приятнее и интереснее тех, что я записываю. В них нет претенциозности и отвлеченности. Потому что оба они работали и разговоры не подменяли им работы, помогали ей. Величие Гете конечно не в знании каких-то особых тайн, а наоборот в его обычности. Он ясен духом как всякий добросовестно и бескорыстно работающий человек. Как благородно, когда люди работают свободно и скромно. На них приятно тогда смотреть. Гете умел выбирать для исследования такие области, где не требуется специальных знаний или способностей. Он внимательно

слушал, что говорила природа. И поэтому он вобрал в себя два столетия, XVIII и XIX, а своим учением о цветах зашел еще дальше. В этом, а не в его одаренности, главное его величие. Пушкин был, вероятно, одареннее Гете. И у Гете была своя ограниченность. Но он сумел стать в правильное положение, так что само время, как прилив, приносило ему свои ценности. Его разговоры производят впечатлительные разговоры в раю. Мы же неблагополучны и скудны.

Т. А.: Существуют традиционно признаваемые великие люди, между тем не все из них действительно великие, есть и обыденные.

Как определить разницу между великим и обыденным?

Л. Л.: Для этого нет нужды знать, тут часто можно судить по одной фразе. Отбор же и оценка в науке так же случайны, как и в искусстве. Жизнь предъявляет очень смешанные практические требования, только время их очищает. А говорить о великих людях с каким-то особым благоговением, это просто бесплодно.

Д. Д.: Вы знаете, что умер Андрей Белый?

Л. Л.: У него был талант, но дряни в нем было еще больше, чем таланта.

Н. А.: Единственная вещь, которую можно читать, это «Огненный ангел». Да и то, она не его, а Брюсова.

Затем: О национальных типах.

Л. Л.: У меня странное впечатление, что все чистые национальные типы похожи друг на друга. Чистокровный немец похож на чистокровного русского.

Д. Д.: Знаете, кто очень похож на русского крестьянина? Я нарочно смотрел в этнографических атласах: австралиец. Такой же бордатый мужичок.

Н. А.: Некоторые находят, что у меня профиль и фас очень различны. Фасом я будто русский, а профилем будто немец ⁷⁷.

Д. Х.: Что ты! У тебя профиль и фас так похожи, что их нетрудно спутать.

Н. А.: Чистые типы это основа; помеси, даже конституций, это дурное человечество.

Л. Л.: Я думаю, что чистые типы не где-то в прошлом, а образуются во все времена. Смешение дает гораздо больше браку, но зато нередко особо ценные экземпляры.

Затем: О созвездиях. Затем: О блохах.

Д. Х.: Моя бывшая жена имела удивительную способность. В любой момент она могла залезть рукой себе за пазуху и вытащить оттуда несколько блох. Больше таких людей я не встречал. Меня самого блохи кусают не так часто. Правда, крупные блохи. Откроешь дверь, откинёт одеяло и ляжет на постель, так что мне почти нет места...

Тут же Д. Х. сообщил, что у него живет канарейка, которую он кормит своими глистам.

Затем Д. Х. рассказал историю исполнения одной из вещей Гайдна ⁷⁸, когда музыканты один за другим задувают свечи, складывают инструменты и уходят. Затем — историю сторожа скотобойни, сло-

мавшего руку*.

А. В.: Новгород мне понравился. Компания, вопреки ожиданию, оказалась хорошей. Это привело меня к теории, что плохих людей вообще нет, бывают только обстоятельства, при которых люди неприятны.

Л. Л.: Удобная теория.

Затем: О Я. С.

А. В.: Он пишет теперь так, что трудно высказать об этом мнение. Нельзя возражать, так же, как о стихах или рассказах нельзя сказать, верны они или не верны.

Л. Л.: Просто мы слушаем друг друга без внимания. Искусство воспринимается на слух, а для оценки мысли нужно напряжение, для которого мы ленивы. Но даже и так о вещах Я. С. можно сказать, хороши они или нет, а это признак, правильны ли они.

А. В.: «Признаки вечности» мне нравятся. Но я не согласен, что время ощущается, когда есть неприятности. Важнее, когда человек избавлен от всего внешнего и остается один на один со временем. Тогда ясно, что каждая секунда дробится без конца и ничего нет.

Л. Л.: Когда нет событий, ожидания, тогда и времени нет; настает пауза, то, что Я. С. называет промежутком или вечностью, — пауза, несуществование. Это кажется странным: разве можно перестать существовать и потом вновь существовать? Но ведь тут много сторон, в одном существование прекращается, в другом отношении продолжается. Ожидание, это участие в токе событий. И только тогда есть время.

А. В.: Я. С. говорит — при ожидании неприятного.

Л. Л.: Да, потому что тогда есть утрата и сопротивление событию. А при приятном сливаешься с событием, отдаешься ему. Поэтому, например, при восторженном слушании музыки невозможно сказать, сколько прошло времени. Воздушный шар парит по ветру, поэтому он не чувствует движения, для него ветра не существует. Поезд же чувствует движение по точкам, по тряске. Есть как бы две волны: волна человека и волна мира. Когда волна человека совпадает с волной мира, настает то, что Я. С. зовет промежутком или вечностью (он это заметил в кратком освобождении от уроков, в курении). Когда же не совпадает, тогда существование, сотрясение, время. Но есть очевидно, еще третье соотношение, когда происходит перекидывание из одних сторон существования в другие, разрешаемое совпадениями разных волн; это качание — игра со временем, ритм... Следует только иметь в виду, что волна мира кажется нам движущейся потому, что мы глядим на все с другой волны: саму по себе ее движущейся нельзя назвать так же, как и волну самого человека.

А. В.: И несмотря на все рассуждения время стоит несокрушимое, все остается по-прежнему. Мы поняли, что время и мир по нашим представлениям невозможны. Но это только разрушительная работа. А как же на самом деле? Неизвестно. Да, меня давно интересу-

* У А. Х. есть рассказ на эту тему. — (Примечание Т. А. Липавской, сделанное много позднее).

ет, как выразить обыденные взгляды на мир. По-моему, это самое трудное. Дело не только в том, что наши взгляды противоречивы. Они еще и разнокачественны. Считается, что нельзя множить апельсины на стаканы. Но обыденные взгляды как раз таковы.

Л. Л.: Почему же теории о времени не убедительны, не могут поколебать ничего. Потому что время прежде всего не мысль, а ощущение, основанное на реальном отношении вещей, нашего тела, в широком смысле, с миром. Оно коренится в том, что существует индивидуальность, и чтобы выяснить, что такое время, надо произвести реальные изменения, попробовать разные его варианты. Это возможно, так как мы действительно по-разному воспринимаем время при разных физических состояниях. Но Я. С. предпочитает не делать этого, а удовлетворяться тем, что он заметил, намеками. Это импрессионизм.

А. В.: Это может дать результаты.

Л. Л.: Да. Главное, надо понять, что существование и несуществование относительно. Существовать, это значит просто — отличаться. Поэтому и может быть: отличается (существует) по отношению к этому, но не отличается (не существует) по отношению к тому. А прежде они не входили в круг исследования, принимались за незыблемые данные. Несуществование казалось собственно какой-то иллюзией, о нем ничего нельзя сказать. Они представлялись наподобие скалы и пропасти за ней. На самом же деле: зыбь и пена над ней.

Я. С.: Прежде говорили — жалко умереть в восемнадцать лет. Я этого не понимаю. Чего жалко и почему жалко в восемнадцать лет, а в восемьдесят не жалко или не так жалко? Жалели, верно, красивой жизни, чтения газет по утрам, посещения театра, комфорта, знакомства с женщинами. Умер молодым, а мог бы еще столько раз пойти в театр, узнать столько новостей, которые будут напечатаны в газете. Но все это нелепо. Красивой жизни не существует. Внешним признаком этого служит отсутствие интереса к женщинам. Сейчас даже непонятно, как это было вокруг женщины столько насочинено.

Л. Л.: Есть неистребимое чувство, что в мире имеется какая-то тайна. Распускание цветка прекрасно и жалко его не увидеть. То же и о человеке. Нехорошо умереть, не выполнив ничего. Неизвестно, есть ли у нас предназначение или нет, но чувство этого и связанной с ним ответственности есть. Даже когда умирает молодое животное, жалко.

Л. Л.: Вы очень удачно показываете, как Н. М. застегивает пальто. В чем тут дело?

Д. Х.: Только в том, что он застегивает пуговицы обеими руками. Наш гений вообще со странностями. Вы не поверите, но, честное слово, он до сих пор не умеет узнавать по часам время.

Н. М.: Странно все же, что Я. С. еще что-то думает, мы об этом уже давно забыли. Писать для самого себя, все равно что острить в едине с собой, не смешно. Нужно иметь людей, в расчете на которых

пишешь. Скольких? Немного, достаточно, может быть, двух, трех. Но их нужно иметь непременно.

Л. Л.: У Пушкина было всего несколько таких читателей, особенно к концу его жизни. Число их постепенно убавлялось, их вытесняли из жизни. Но они были связаны общими вкусами. Я так объясняю ненависть Пушкина к Александру I: он считал его человеком своего круга, который должен был оказаться защитой и покровителем, но изменил. Николай I другое дело: тот был чужд и с ним возможна была простая коммерческая сделка.

Н. М.: Гоголю не для кого было писать в его последние годы, это ясно чувствуется.

Затем: О китайских вещах.

Н. М.: Они прекрасны. Обычно очень ценятся древнеегипетские вещи и они действительно хороши; но по сравнению с китайскими они грубы, как шероховатость телеги по сравнению с лакированностью автомобиля.

Л. Л.: А откуда пошло умение палехских мастеров?

Д. Д.: Я думаю, хотя не имею доказательств, что оно пошло тоже из Китая. Палех на Волге, а у Древней Руси была большая торговля с Персией и другими восточными странами.

Н. М.: То искусство кончилось. Современные японские вещи все равно что германская дешевая продукция.

Затем: О магометанстве.

Н. М.: Для меня оно загадочно. Ведь у него нет никакой идеи, это бездарный плагиат других религий. И однако оно распространилось и до сих пор держит власть.

Л. Л.: Мы сейчас недаром чаще чем «хорошо» говорим о чистоте, правильности или точности. В каком бы роде ни писал, но всегда должна быть твердость, власть вещи, независимо от того, готовы ли ее встретить приветливо или нет.

Затем: О мгновении.

А. В.: Расстояние измеряется временем. А время бесконечно дробимо. Значит, и расстояний нет. Ведь ничего и ничего нельзя сложить вместе.

Л. Л.: Почему ты решил, что мгновение бесконечно мало? Свобода дробления, это значит, мгновение может быть любой величины. Оно, верно, и бывают всякой величины, большие и малые, включенные друг в друга.

А. В.: Если бы это было так, тогда понятно, почему, как ни относиться ко времени, нельзя все же отрицать смены дня и ночи, бодрствования и сна. День, это большое мгновение.

Л. Л.: Примечательные состояния: ясности, дальности, значительности, смущения, примирения.

Ясности. Оно наступает внезапно, без причин и полно сдержанной и огромной радости. Все прекрасно, видно особенно ясно и доставляет удовольствие смотреть на все. Ощущение, как будто находишься среди бесшумно и точно работающих механизмов; либо в чи-

стом высланном кафелем бассейне, где течет вода и не спеша происходят непонятные тебе события.

Значительности. Когда какая-либо обыденная картина, — беседа людей в другой комнате, которую наблюдаешь через открытую дверь, — вдруг кажется страшно важной, имеющей особый смысл. Люди и вещи встают как живой иероглиф.

Смущения. Это отдаленность от собственной индивидуальности. Можно пояснить сном: иногда видишь, тебя преследуют, нагоняют, сейчас нанесут удар; но в самый страшный момент начинаешь чувствовать, что этот бегущий собственно не ты, все более и более не ты, и страх исчезает. Вроде того и в жизни. Удивление перед самим собой, что вот существует такой с фамилией, наружностью, поступками, судьбой, — и он имеет к тебе отношение, это ты. Озадаченность такой нелепостью и чувство, что вот, вот поймешь в чем здесь путаница.

Наконец, примирения. Оно наступает после неприятностей и волнений. Это минуты покоя, разбитости и умиления. Состояние банкрота, которому кажется, что он беседует с Богом. — Мой милый, мой любимый, говорит Бог. Я мучаюсь вместе с тобой всеми твоими мучениями. Я продельваю всю твою жизнь с тобой. — Но как же, говорит банкрот, или Ты не всемогущ, или Ты сам так устроил, зачем? — Не надо говорить об этом, отвечает Бог, этого тебе все равно сейчас не понять.

Д. Х. и Л. Л. говорили о пытках.

Л. Л.: Это то, с чем никак не возможно примириться, что не умещается ни в какой философской системе. Между тем чудовищная жестокость существует и когда говорят «азиат», подразумевают именно эту жестокость. Очевидно, лишь очень небольшая часть человечества лишена в некоторой степени ее, для остальных это обычное дело.

Д. Х.: Есть русская жестокость, еще хуже «азиатской». Она тем страшнее, что какая-то бестолковая, почти добродушная и легко сменяется жалостью и слезами, тоже не имеющими никакой цены.

Я. С. встретил гостей радостно. Он вынул тетрадь с математическими таблицами и стал показывать что-то Н. М.

Н. М.: Я думаю, не поступить ли в университет на математическое отделение. Знаете, это хорошо, пройти математику досконально, без цели.

Я. С.: В университет? Но ведь вам же придется пройти массу непужного и неинтересного.

Н. М.: Я прежде сам так думал. Но теперь мне кажется, что в математике нет неинтересного.

Я. С.: Так ведь можно изучать самому.

Н. М.: Это не то, вы не будете среди людей, которые этим занимаются. Не будет уверенности, что вы в курсе. Да и действительно вы не будете в курсе, потому что не будете участвовать в разговорах. Вы окажетесь провинциалом. Так же как в литературе печатаются

только знакомые редакторов, так и в науке могут работать только те, кто связаны между собой, входят в группу. Пришлите по почте что угодно в любой журнал, этого даже не прочтут. Все люди ленивы. Так и должно быть.

Л. Л.: Обыкновенная дорога в науке самая правильная. Только она дает право на открытие. Об этом праве не говорят, но оно имеет непреодолимую силу. Это закон экономии внимания: выслушивают только тех, о которых известно, что они хоть знают, что было сделано в этой области до них... Но все же вы, Н. М., в университет, конечно, не поступите...

Н. М.: И Л. Л. было бы с кем поговорить, если бы он был в университете. А так с кем ему говорить о его теории слов? Но его слушали бы лингвисты, только если бы Л. Л. сам стал лингвистом.

Л. Л.: И все же есть случай, я думаю, когда можно работать одному. Это когда науки, в которой работаешь, еще нет, ты сам ее создаешь. Тут нет фундамента, на котором ты строишь, значит и нет владельцев этого фундамента.

Я. С. налил немного водки и выпил без закуски. Потом он прочел свои вещи: о точках и об окрестностях вещей.

Л. Л.: Мне не нравится математизированный стиль, стремление заключить в формулы. Точнее от этого не становится, а чувствуется какое-то самодовольство; вот как чисто сделано и лаконично, а если трудно понять, так мне дела нет до читателя.

Н. М.: Нет, формулы, по-моему, правильный путь. Я. С. мешает поэтичность. Науку и искусство не спутать. «На холмах Грузии лежит ночная мгла»⁷⁹ действует неизвестно чем; наука же действует непрерывно сообщением нового, занятностью... В математике интересно то, что тут есть какая-то автоматичность. Математика там, где операции могла бы делать и машинка: почему-то это привлекает.

Я. С.: Как ни написаны вещи, которые вы прослушали, но в них указано то, чего прежде не замечали. Дано, например, определение несуществования и его различных видов. Вы же этого не заметили.

Н. М.: Если так, тогда это написано плохо. Надо писать так, чтобы было заметно. Во Франции редакторы газет проверяют фельетоны, читая их извозчикам. Это правильно. Надо писать так, чтобы было понятно прачкам.

Затем: О людях.

Н. М.: Почему вы, Я. С., не любите Н. А.?

Я. С.: Люди делятся на жалких и самодовольных. В Н. А. нет жалкого, он важен, как генерал.

Н. М.: Это неверно. Разве не жалок он со всеми своими как будто твердыми взглядами, которые он так упрямо отстаивает и вдруг меняет на противоположные, со всей своей путанностью?

Я. С.: А Д. Х.?

Н. М.: Он — соглашатель, это в нем основное. Если он говорит, что Бах плох, а Моцарт хорош, это значит всего-навсего, что кто-то так говорит или мог бы говорить и он с ним соглашается... Я же не соглашатель, а либерал. Что значит, у меня нет брезгливости к людям и их мнениям.

Л. Л.: Но вы их не уважаете.

Н. М.: Да, пожалуй. На склоне лет я с ужасом замечаю, что характер у меня плохой, может быть от дурного воспитания. Да, я плохо отношусь к людям.

Л. Л.: И капризно. В вас нельзя быть уверенным, в любой момент вы можете без причин проявить грубость. Вы относитесь к людям неровно, либо презрительно, либо верите в их авторитет, как женщина. И никогда не известно, где граница вашего самоволия.

Н. М.: Если бы можно было убить без всяких неприятностей для себя, чтобы избавиться от забот и нужд, я бы это сделал.⁸⁰

Л. Л.: Так как вы этого никогда не пробовали, то очевидно это лишь слова.

На прощание Я. С. сыграл две вещи Баха.

Н. А. и Л. Л. беседовали за пивом.

Н. А.: Н. М. все ходил по гостям, а в последние дни даже это прекратил. Уехал он в грустном настроении с двумя рублями денег на почтовом поезде. Не понимаю, что с ним делается. Нужно иметь волю не поддаваться и чем-то интересоваться.

Л. Л.: Не у всех одинаковая выносливость. А как Д. Х.?

Н. А.: Он все не пишет ничего. Он надеется на свой театр. Если и это не удастся, тогда, сказал он, придется сдать. Но что это значит — сдать? А Я. С.?

Л. Л.: Слова обозначают основное — стихи; лишь потом они становятся названиями предметов, действий и свойств. Неопределенное наклонение и есть название стихии, а не действия. Есть стихи, например, тяжести, вязкости, растекания и другие. Они рождаются одни из других. И они воплощены в вещах, как храбрость в льве, так что вещи — иероглифы стихий. Я хочу сказать, что выражение лица прежде самого лица, лицо — это застывшее выражение. Я хотел через слова найти стихи, обнажить таким способом души вещей, узнать их иерархию. Я хотел бы составить колоду иероглифов⁸¹, наподобие колоды карт.

Д. Д.: Не думаю, чтобы этого можно было достичь, изучая язык. Вы хотите найти собрание иероглифов для всех случаев, как бы общую азбуку мира, между тем мир, это индивидуальная история, рассказанная в иероглифах; каждый частный случай, это особенная история, со своим законом; и весь мир — частный случай, имеет особенность.

Кто придумал рюмку, ее прекрасную форму, ее жизнь преломления света? Сама она похожа на цветок и на камень и жидкость в ней тоже.

Д. Д.: Говорят о плохих эпохах и хороших, но я знаю, единственное отличие хорошей — отношение к видимому небу. От него и зависит искусство. Остальное не важно. Нам, например, кажется, писать по заказу плохо. Но прежде великие художники писали по заказу, им это не мешало.

Д. Д.: Произошла потеря осязаемости вещей, вместо них встали

кредитные билеты.

Л. Л.: Что такое отношение к видимому небу? Чувство мира, как своего дома, своей семьи. Оно выражается во всяком труде — часовщика и поэта. Ведь труд, это познание мира, любовь и уважение к нему. Древние звали бога ремесленником. Когда же это чувство пропадает, пропадает искусство. Некоторые считают это неизбежным, винят тут машины. Я не думаю, что это так. Сейчас ощущают машины, как подсобные орудия. Древние ощущали их, как игрушку. Но разве нельзя ощущать их, как астрономические тела на земле? Правда, пока машины для этого были слишком грубы, они работали всегда в перенапряжении, с неумелой растратой сил. Но уже сейчас создается другая, отличная от прежней техника... Но если не в них, так в чем же дело? Потеря благополучия, отрыв от мира, это коренится очень глубоко. В конце концов, в том, что человек может передвигаться в несравненно большем круге, чем тот, который связан тесно с его жизнью. Пока было еще резкое отличие того, что до горизонта, от того, что за горизонтом, было еще ничего. «За горизонтом», это почти не касалось. Горизонт не только пространственный, но и временной (связь со своим родом), и численный (число людей и событий, с которыми связан), и понимания (механический мир, подобный в устройстве человеческому телу, движениям мускулов). Теперь все эти горизонты, предохранявшие человека от встречи с величием мира, исчезли. С ним исчезло и чувство связи со всем миром, права на место и внимание в нем, чувство близости мира и важности событий, в нем происходящих. Большинству людей сейчас страшно и неудобно. И тут не может быть настоящего искусства. Какую уверенность в значительности и важности Троянской войны нужно было иметь, чтобы написать о ней двадцать четыре песни⁸². И даже уже падающее искусство, роман, держалось еще на том же. Надо было придавать огромное значение переживаниям отдельного человека, чтобы подробно описывать их. Все это прошло.

Затем: Об островах Маори, куда пускают только вполне здоровых и хорошо сложенных людей, чтобы вывести райскую расу людей; об островах, где живут племена, зовущие мужчину сначала именем его жены, потом именем его ребенка. О профетических признаках в биологии.

Под конец спор о том, нужно ли считаться с направлением истории, спор длинный и бесплодный. Н. А. спорил bestолково и с обидами. Он сказал: «Я изложил эти мысли в Торжестве Земледелия⁸³ и удивляюсь, что никто смысла поэмы не понял». В словах его было нечто неприятное.

А. В.: Правда ли, что двое ученых доказали неверность закона причинности и получили за это нобелевскую премию?⁸⁴

Л. Л.: Не знаю. Это связано верно с теорией квант, о которой я слышал, что там законы мира понимаются как статистические. Я сам думаю, что отвыкнуть от закона причинности гораздо легче, чем это обычно кажется. Ведь, если мы и считаем о камне, что он неизбежно упадет с высоты, то о себе мы, по крайней мере, практически, не ду-

маем так, что наши поступки неизбежны. И тут нет никакой целиности.

Затем: О музыке.

Л. Л.: Меня интересует, чем воздействует на человека музыка. Она самое демаскированное искусство, ничего не изображает. Остальные же как бы что-то представляют, сообщают. Но ясно, они действуют не этим, а так же, как музыка.

А. В.: Когда люди едут на лодке или сидят на берегу моря, они обычно поют ⁸⁵. Очевидно, это уместно, музыка как бы голос самой природы.

Л. Л.: А в самой природе ее совсем нет... Музыка как бы очищает человека от накопившихся в нем неправильностей, ядов. Она как вода засыхающему растению. Она вообще больше всего напоминает жидкость, ее течение. Еще ее действие сходно с действием полового акта: после него чувствуется успокоение и освобождение; в большом же количестве она опьяняет и расслабляет. Вибрация и ритм, дыхание инструмента, деревянного или медного. Правильное дыхание, которое меняет и дыхание слушающего, растворяет его в себе, пронизывает ритмом жизнь мускулов и тканей. Это избавление от кривизны индивидуальности по отношению к миру, растворение и разряжение, игра со временем, сводящаяся к его уничтожению. В этом суть искусства.

О неврастении.

Что такое неврастения? Постоянное затаенное беспокойство, точно внутри что-то сведено судорогой, окаменевшая готовность к защите. Прежде я думал: ее можно лечить только одним, счастьем. Но ведь счастье присутствует и в веществах и в силах.

Обычно думают: человек, это его тело. Но это все равно, как если бы весовщик думал: весы, это та чашка, с которой я имею постоянно дело, на которую я кладу гири; на самом деле, весы, это отношение обеих чаш. Человек, это отношение тела и мира, он опирается как бы на две волны. Их взаимное покачивание и есть человек.

Я говорю это к тому, что выпрямлять покачивание можно с разных сторон.

Природа лечит неврастению, и воздух, и вода, получается как бы продувание человека, его кровеносных сосудов, его дыхательных и прочих трубочек. И короткая легкая дремота, когда дыхание удлиняется, и невесомость при плавании, и широкое разнообразное пространство, и музыка, и массаж, вообще всякий ритм. Почему работа лечит неврастению?—Она выводит человека из застоявшегося рукава воды в русло, возобновляет обмен сил человека с миром.

Тик лечат, как известно, не усилием преодолеть его, а искусством расслабления. При разряжении исчезает комок, освобождается от искривления чистый правильный ритм. В этом, наверно, и польза гипноза и электризации; они требуют, как предварительного условия, разряжения.

Техника разряжения не пользовалась вниманием, в особенности в Европе, так как практическая жизнь требует напряжения, усилий, — они дают результаты.

Я. С.: Четыре важных вещи, которые я хочу сообщить. I. Миру присуща приближенность; поэтому никогда не надо говорить точно, в числах. II. Страх — порождение расстояния; представление смерти — представление бесконечного расстояния. III. Мир определяется всего несколькими знаками, как-то — небытие, время, смерть, деревья или вода. IV. Сознание не подвержено ограничениям пространства и времени, оно может быть сразу в разных местах, следовательно возможно, что оно одно для всех людей и каждому кажется, что оно именно его.

Л. Л.: Во всем этом чувствуется что-то правильное. К сожалению твои пункты не только не объясняют, но даже не дают зацепки для объяснения вещей, о которых ты говоришь. Тут нет посредствующих звеньев, какой бы то ни было связи с имеющимися у нас житейскими представлениями. И можно ли говорить: «вне ограничений времени и пространства». Ты не объяснил, в чем эти ограничения, не показал, как представлять себе «вне времени и пространства»; и значит, фраза бессмысленна. Да и как нелепо ставить пространство и время рядом, как равноправное, — это уже не дает шансов их понять. А те знаки мира, которые ты перечислил, так тождественны и общеприняты, что бесплодны. Нельзя открывать тайн мира набегами; ясновидением, при котором брезгливо отбрасываются все посредствующие звенья. Тут смесь гордости с трусостью. Гордость, говорить только об основах мира; трусость, не прокладывать к ним пути сквозь ежедневный житейский опыт. Это нахальное мышление.

Л. Л. изложил Д. Д. свою теорию неврастении.

Д. Д.: Это не ново. Учителя музыки, например, больше всего обращают внимание на то, чтобы руки у учеников были расслаблены. Гимнастика Дельсарта также основана на разрядении.

За водкой.

Н. А.: Женитесь, Я. С., вы не знаете, как приятно быть женатым.

Я. С. (обращаясь к Д. Х.): Вы прекрасны. Давайте же поцелуемся.

Д. Х.: А в вас есть нечто величественное. Я с удовольствием с вами поцелуюсь, если вам это не неприятно.

Н. А. (внезапно): Ну, как, отрыган-то действует?

Я. С. хочет налить еще водки себе, но обнаруживает, что бутылка пуста.

Л. Л.: Вы родились под счастливой звездой, Д. Х. Природа вас щедро одарила. Про вас можно сказать словами Н. М.: «Митька Загряжский — талантище!» А что хорошего дала вам эта звезда? Или, может, в окончательном перерасчете неважно, что человек сделал?

Д. Х.: Если и так, все равно нельзя думать об этом перерасчете.

Я. С.: Я думал, в чем недостаток европейского образа мысли и я нашел его. Этот недостаток: несерьезность или, иначе говоря, талантливость. Про Лао Цзы разве можно сказать, что он талантлив? Он

был всю жизнь архивариусом, по-нашему, значит, вроде библиотекаря, а писать не стремился никогда. Кажется, под конец жизни он покинул город и на пути солдат попросил его записать на память то, что он знал. Он больше уже не вернулся. Может быть и первые европейские мыслители были такими же. Но порча началась уже давно, с Сократа, Платона и Аристотеля. И вот, в Европе собственно не было философии. Разве Беркли — философ? Конечно, он очень удобен для истории философии, потому что вся его мысль — пустяковая, годится для оканчивающего гимназию. И все другие тоже боялись касаться основных вещей, даже не замечали их. Так что Канту не трудно было увенчать все это толстой книгой, вообще отрицающей возможность философии... Да, началось с Сократа. Сколько он болтал перед смертью! И все после него писали так, что видно: вот, это я писал. К чему это? Знаешь логику Дармакирти? Это только комментарий на логику Дигнаги⁸⁶. Дигнаги жил в пещере, он написал логику на песке. Кто-то проходил мимо и стер. Снова написал Дигнаги и снова прохожий стер. И так в третий раз. Тогда Дигнаги написал: «Зачем стираешь? Если заметил ошибку, укажи». После того прохожему стало стыдно стирать... Я понял, не надо специально думать, давать себе задания. Надо быть неспособным и несообразительным. Не вносить в писание ничего личного, никаких имен... Прежде мне казался правильным стиль Розанова. Теперь я вижу, это конец. Он и сам говорил, что пишет для уборной. Это звучит красиво, но все же это ни к чему. Все та же европейская линия: Августин — Абельяр — Паскаль — Руссо — Розанов... Итак я отверг последнего (перед ним был Платон), последнего своего кумира. Теперь их больше не осталось.

Д. Д.: Музыкант — тот же настройщик, он настраивает душу человека. Зачем? Он и сам не знает этого. Потому занятие музыкой само по себе бессодержательно. И повышенный интерес к музыке, как было в прошлом веке в Германии, признак поглупения. Это же относится и к отдельным людям, например, к Д. Х.

Л. Л.: Но это не только музыка, все искусства только настраивают. Поэтому человек, слушающий музыку в концертном зале, нелеп. Он делает вид, что занят, на самом деле он пуст. Так же глуп человек и в картинной галереи. Искусство уместно в житейской обстановке, дома, в гостях, на празднике. Оно должно приходиться как бы случайно, к людям, связанным друг с другом, как невзначай приходит молчание в разговоре, тогда оно хорошо. Тем и был приятен прежде театр, что он был частью общего быта, местом праздничной встречи.

Д. Д.: Музыка сама по себе — явление чисто европейское, даже только последнего времени. У других было пение или музыка, как аккомпанемент. У греков она служила чему-нибудь: либо битве, либо пиру, либо религии.

Л. Л.: А как вы объясняете воздействие музыки на человека?

Д. Д.: По-моему, тут нет ничего таинственного, это физиологическое действие, которое проверено опытами; ведь лечат же музыкой сумасшедших. Вибрация инструментов, которая передается телу, на-

подобие электрической индукции. Гораздо таинственнее живопись, ее воздействие. Почему перспектива — признак падения живописи?

Л. Л.: Мне это малопонятно... Что же касается настроений, которые возбуждаются искусством, то тут, ведь, еще ничего не исследовано. Надо было бы составить дерево настроений. Это было бы вместе дерево стихий или пульсаций: ведь в основе всех настроений лежат напряжение и разряжение.

Затем: О русской литературе, о том, что она выше европейской. Затем: О Розанове, о том, что он был первый фашист.

Д. Х.: Я хотел бы быть директором. Человек должен чувствовать, что от него зависят какие-то люди, только тогда то, что он делает, будет правильно. Человек, имеющий власть, право расстреливать, всегда имеет преимущество перед другими. Он чувствует реализацию своих слов и ответственность. Я же лично хотел бы быть директором театра...

Д. Х.: Вот, чего я не выношу. Пенки, баранина, маргарин, лошади, деги, солдаты, газета, баня. Баня, это то, в чем воплотилось все самое страшное русское. После бани человека следовало бы считать несколько дней нечистым. Ее надо стыдиться, а у нас это национальная гордость. Тут стыд не в том, что люди голые, — и на пляже голые, но там это хорошо, — тут дымность, и затхлость, и ноздреватость тел.

Затем: О людях.

Д. Х.: В Н. М. стихия бани, она и дает ему силу. Он ходит два раза в неделю в баню и там парится. Он очень белый. И стихи свои он сочиняет в бане, распевая их на полке. В нем нечто мужицкое и потому он так чуток к этому в людях, так ненавидит это. Он из нас самый русский, может быть даже по крови.

Л. Л.: Разве русскому лицу свойственен такой причудливый нос?

Д. Х.: Напрасно думают, что русское лицо мягкое и округлое, как у Н. А. Это финское. Русское именно с таким острым носом. Впрочем, дело, конечно, не в крови.

Л. Л.: Вы правы, старорусские лица строги и аскетичны, в них нет той смазанности черт, которая обычно приписывается русскому лицу.

Д. Х.: В Н. М. необычная озлобленность. Среди нас, правда, нет хороших людей; но Н. М. обладает каким-то особым разрушительным талантом, чувствовать безошибочно, где что непрочно и одним словом делать это всем ясным. Поэтому-то он так нравится всем, интересен, блестящ в обществе. В этом и его остроумие. И даже его теории пропитаны тем же. Разве можно придумать что-либо более оскорбительное, от чего ученый физик, если бы услышал, полез на стенку, что-либо вернее попадающее в слабый пункт физики, как утверждение, что свет вообще не имеет скорости, распространяется мгновенно?

Л. Л.: А Я. С.?

Д. Х.: У нас у всех остроумие странное, вроде того, как бы повлечее сказать: «Я — идиот», или «у меня ноги потеют». Но Я. С.

лучше всех нас носит созданную им маску. Конечно, она как-то соответствует ему. Все его поведение разработано чрезвычайно тонко: и эти ссылки, что он не умеет говорить, и что у него способности ограничены, и подчеркивание, что он идет в уборную. Он возвел свои недостатки в новые добродетели, в особые достоинства, гордится своей неврастенней.

Л. Л.: Он из тех гордецов, что сами готовы любому уступить дорогу и отойти в сторону, лишь бы не получать толчков. Такие становятся деспотами своего несуществующего царства. Это нехорошо, потому что в теоретической области капризы недопустимы, тут нельзя быть ни деспотом, ни мечтателем, ни неврастенником...

Затем: О судьбах.

Д. Х.: Среди нас есть такие, путь которых уверен и ясен. У них есть профессия. Другие в очень рискованном положении: они как бы создают новые профессии. Конечно, у нас в чем-то, в чутье, есть преимущество перед настоящими учеными; но нет необходимого — знаний. Наше общество можно вернее всего назвать обществом малограмотных ученых. Но как любой шахматный кружок дает лучшему в нем звание категорного игрока, так и среди нас каждый может стать знатоком в какой-то своей области, где ему карты в руки. И это как будто намечается. Я не знаю, как вас назвать, Л. Л., философом или как иначе, но по-моему, у вас намечается свой путь, отличный от известных.

Л. Л.: Не знаю; во мне нет оригинальности, как, например, в Н. М., и все же я на многие вещи смотрю совсем по-иному, чем это принято; тут, кажется мне, объясняется просто тем, что у меня врожденное свойство: я смотрю пристально там, где остальные скользят взглядом; во мне еще раз воплотилась «семитическая серьезность».

Об инстинкте.

Есть три способа объяснения инстинкта. Первое: насекомое соотносится как человек. Второе: случайная цепь действий, отобранная и удержанная отбором времени. Третье: таинственное, отличное от разума, свойство. Все три объяснения бесплодны. Но тут дело не только в инстинкте, а вообще в целесообразности, встречающейся в природе, например, распределение листьев на дереве, — откуда она.

Я думаю, что мы удивляемся ей так же, как у Мольера кто-то удивляется тому, что всю жизнь говорит прозой.⁸⁷ Инстинкт не какое-либо специальное свойство, особый механизм, а все те же основные свойства мира, жизни, проявляющиеся в частных случаях. Для его объяснения не надо вводить никакого добавочного фактора. Тут происходит то же, что, обычно, при попытках объяснения, например, изотропии пространства или коммутативности сложения: подыскивают, почему так, а на самом деле так потому, что нет никакого добавочного условия анизотропии или некоммутативности, — задача оказывается перевернутой, для них-то надо подыскать добавочный фактор, нарушающий общий закон.

Что такое инстинкт? То, что дает возможность животному произ-

водить целесообразные действия, хотя оно и не знает цели.

Животное находится в положении, не соответствующем продолжению его жизни. Это можно назвать исходным положением. Затем оно переходит в соответствующее продолжению жизни положение. Это можно назвать конечным положением. Цепь поступков, которые переводят его из начального в конечное положение, это будут инстинктивные поступки. Возможность и условия их даются устройством тела животного и устройством окружающего мира. Поступки эти целесообразны. Почему животное, не зная ни своего устройства, ни устройства мира, ни конечного положения, находит правильный путь к этому положению?

Пример. Младенец не имеет материнского молока. Это исходное положение. Младенец получает молоко. Это конечное положение. Хватание груди и втягивание молока, это инстинктивный поступок. Чем его объяснить?

Конечно, это не какое-либо специальное свойство, а выражение в частном случае основного закона всего живого: хватание и втягивание. Живое — то, что растет, включает в свою структуру окружающее. Этот же закон — вариант общего мирового закона расширения или растекания, уничтожения разностей уровней, или вернее, просто разностей.

Но откуда младенец узнает, как пользоваться ловко органами своего тела, в данном случае губами? Почему он как будто понимает устройство своего тела, знает, как его использовать в окружающем мире? Движение губами, это очень простой случай, но бывают другие, когда действие гораздо сложнее, например, история с осами «парализаторами» описанная Фабром⁸⁸. Откуда знает оса устройство своего жала и тела своей жертвы?

Конечно, ответить на это точно можно лишь изучив подробно осу и ее жертву, узнав, чем привлекает нервный центр жертвы осу, наверное, оса чувствует его, находит к нему прямой путь, как мы на свет или собака по запаху, потому что это самый простой путь.

Как бы ни было сложно использование устройства тела в инстинктивном поступке, принцип объяснения тут: соответствие устройства тела и поступка; тело строится по тем же принципам, оно как бы основной, отстоявший во плоти, поступок. Младенец втягивает молоко, потому что его тело, как всякое живое тело, по сути — втягиватель, оно и образовалось как втягивающий процесс.

То, что из одного источника или стороны одного и того же, имеет естественное соответствие. Не удивляемся же мы, как ловко устроен круг, не только изнутри кругло, а извне посмотришь — тоже кругло. Или, что треугольник так хитро устроен, что у него не только три стороны, но и три угла. Для того, кто не понимал бы, что это одинаково вытекает из того же самого принципа фигуры, это было бы действительно странно.

Собаке, чтобы бежать за добычей по кратчайшей — прямой линии, не надо изучать геометрии и распространения света по прямой, собака сама существует по тому же закону, воплощает его в своем беге. И если пчела, как говорят, строит стены улья по геометрическо-

му закону, который дает наибольший объем при наименьшей затрате материала, это значит, что принципы геометрии и принципы механики, воплощающиеся в работе пчелы, всего-навсего два выражения одного и того же принципа.

Л. Л. рассказывал Н. М. о невравнении, как нарушении равновесия — «масло в спирту», об искусстве, как балансировании по времени и о времени, как ускорения. Н. М. слушал внимательно, но не выражал ни согласия, ни несогласия. Он только сопоставил с теорией невравнения искусство дыхания.

Н. М.: Йоги говорят: кто не ощущает ритма в мире, тот не ощущает счастья. А ощутить ритм нужно прежде всего в дыхании.

А. В.: Да, сейчас все идет таким скорым темпом, что и в любви придется объясняться скороговоркой... И все же лестница остается прежней, от поцелуя руки через все полагающиеся обряды сближения. Ее только проходят быстрее. А вот чтобы среди самого спокойного разговора предложить женщине отдаться и она сразу же согласилась, нет, это несбывшаяся мечта.

Недавно мы с Н. М. ухаживали в одной комнате за двумя. Только я стал целовать в полумраке свою в шею и уши, раздался отчетливо голос Н. М.: Что, брат, уши грызешь? И потом он все время вмешивался с вопросами о том, как идут дела и с советами. Это было мучение.

О температуре.

Л. Л.: Нож и скатерть одной температуры; но наощупь нож холоднее. Почему? Потому что металл теплопроводней, или, иначе, обладает меньшим тепловым сопротивлением, он быстрее уравнивает температуру с телом, чем скатерть. Таким образом чувство тепла зависит от скорости передачи тепла, от, так сказать, крепости раствора «тепло/время». Очевидно, это же касается и других чувств, — частота волн световых, звуковых, — но в температурном чувстве это всего яснее. Думают обычно, время дает все в последовательности, оно бесконечно дробимо; неверно, миг дает качественное ощущение, а не очередность воздействий, он охватывает их зараз.

Почему мы не ощущаем температуру, равную температуре своего тела? Потому что температура — это разность, отличие от принятого за основное. Очевидно, это тоже относится ко всем чувствам, всем качествам. Но мы не обладаем постоянным звуком или светом тела, а температурой обладаем. Вероятно, если бы температура тела была всегда совсем постоянной (наощупь), мы бы приняли ее нулем, отсутствием температуры, как тишина — отсутствие звуков, собственный постоянный запах человека — отсутствие запаха и т. п. Тут мы входим в область исследования строения качеств, необычайную по интересу и до сих пор никак не разработанную, ибо не было к ней ключа, понимания существования как разности. Я говорю о том, что каждое чувство имеет свое, менее или более сложное, строение, свое количество измерений. В температурном чувстве измерение одно, сильнее или слабее тепло, скорость перехода температуры еще не вы-

делена в особое качество. В световом чувстве — и в звуковом тоже. — оно уже отделено от силы, образуя особое качество, цвет или тон. Почему запахи никак не упорядочены, а вкус смутно распределяется по четырем качествам? Почему звук меняясь в силе не дает качества, а температура дает жар и холод, два различных состояния? Очевидно, потому именно, что есть разрез температур по их сравнению с температурой тела. Интересно, что этот разрез может быть осуществлен двояко: разрез надвое (жар, холод) или натрое (жар, тепло, холод), и способ деления четко не выбран. Черный цвет соответствует тишине; но тишина не ощущается как особое качество, а черный цвет — цвет. Потому что свет локализуется, тут несуществующее как свет существует как занимающее место, — наше пространство строится на светомускульном соотношении. Почему не существует звука, соответственного белому цвету? По той простой причине, верно, что есть световое солнце, но нет звукового, есть смена дня и ночи, а правильной смены звуков и тишины нет. Почему смесь цветов однообразна, серый цвет, и не выделяется, как что-то принципиально отличное от других цветов, а смесь тонов дает очень разные шумы? В чем принцип гаммы и принцип спектра, почему образовано такое-то количество тонов и цветов, их поколения и отношения родства. И много еще других тайн.

Тот, кто изучает это, присутствует как бы при рождении мира, его качеств; он видит, что каждое чувство имеет своеобразную историю, раскрывающую особую сторону мира, особый его принцип, который в других чувствах скрыт; он видит то, что предстает перед нами как неизблемое, данное, на самом деле сложное построение, его можно варьировать, делать другим; строение чувств можно изменять в воображаемых опытах и даже в реальных. Мир кажется ему изобретателем или художником; в каждом качестве заключена мировая история.

Температурный мир.

Представь себе, что в мире существуют только температуры, больше ничего. Вот тебе непространственный, беспредметный мир. Представь себе, что одна из температур — ты. Что будет?

К сожалению, я еще не могу охватить особенностей этого странного мира, слишком он непривычен. Я знаю, что существует только одна температура — ты, ты еще не существуешь. Ведь нет разности, нет, значит, собственно и самой температуры. А если две? И тогда ты собственно не существуешь. Потому что есть только одно отличие, одна разность, и, значит, она ни с чем не сравнима, не имеет признаков. Это предсуществование. А при трех? Может быть, это уже существование. Но какое странное: мир и ты будете одно и то же. Надо вводить еще и еще температуры, вернее, надо комбинировать их, создавая все новые отношения, разности, чтобы из несуществования переходить вверх по степеням усложнения, существования. Появится время, пространство, жизнь, сознание, отделение индивидуальности от мира. И все это в принципе достижимо одним несуществующим элементом. Ведь если есть А, можно его соотнести с самим собой, А/А будет В. Дальше можно получить уже сколько угодно новых

элементов. Такое их получение, при котором и как бы все остается то же самое, и как бы создается из ничего новое, лучше всего назвать вращением.

Я знаю, это так странно, что кажется бессодержательным или нелепым. Между тем так и возникают все качества мира; чтобы в этом убедить, надо было бы исследовать конкретную историю какого-либо качества. Только так можно представить себе постепенное возникновение индивидуальности, сознание, представить, как чувствует мир дерево, коралл, медуза, рыба, червь, младенец во чреве матери, составить для каждого из них язык.

Воображаемые модели мира, вроде температурной, незаменимы для изучения его свойств и понимания разнообразия его вариантов.

О пространстве.

Оно — особая, частная схема достижимости или времени. Поэтому его составляющие — расстояние (очередность) и выбор (охват).

Говорят: нота фа дальше от ноты до, чем нота ми; то есть говорят о расстоянии. Почему же это расстояние не считается пространственным?

Когда играют зараз несколько инструментов, можно вниманием выделить звук одного из них, потом перейти к другому, третьему, пока не вернешься к первому, не пройдешь полный круг. Почему же тут угол внимания и круг не считаются пространственными?

Потому что пространство есть сравнение расстояний и выбора (углов) поступком. Сравнение усилием или, если смотреть извне, мускульным напряжением и разряжением. Ведь наше тело не обладает другими родами усилий, световыми, температурными или иными. Количество усилий, ходов и есть расстояние. Конечно, в абстрактном пространстве оно и измеряется абстрактными усилиями, в физическом, например, может измеряться ходами световой волны, в геометрическом вообще никак не определенными ходами. Итак, пространство есть схема или стандарт возможной последовательности поступков.

Так как эта схема не ограничена дополнительными условиями, то она и дает неопределенность пространства по размеру, делимости, свойствам: бесконечная продолжаемость его и делимость, изотропия. Из этого и следовало бы выводить геометрические формулы, а не так, как их выводят сейчас, периферическими рассуждениями.

Так как усилие, это преодоление сопротивления (мускульным способом), то пространство — схема полной повсеместной твердости мира. Так как, однако, усилия разделены паузами, то твердость должна все время перемежаться чем-то не требующим никакого усилия, пустотой. При бесконечной дробимости пространства получается однообразное чередование твердости и пустоты, чего-то загадочного — несуществующего никак и занимающего место. Так пространство отделяется от мира. Получается геометрическое, точечное, и физическое, пустое, в котором точкой или системой точек плавает мир. Поскольку эта схема не вполне соответствует действительности, приходится идти на очень сложные построения, чтобы ее исправить, приб-

лизить к реальности.

Чувство пустоты, какого-то активного несуществования порождает страх.

Расстояние и выбор, это два подхода к любому месту, два измерения пространства. Однако сам выбор может расчлениться, из общего закона выбора может выделиться особый частный, имеющий почему-либо важное постоянное отличие. Так; думаю я, выделилось третье измерение, по вертикали: тут постоянно ощущается неодинаковость усилий, ввиду тяготения. Можно, конечно, еще дальше расчленить выбор, ввести новые измерения; это никак не обогащает пространства да и надобности в этом нет: больше постоянных сил, кроме тяготения, действующих всегда в одном и том же направлении, нет.

Пространство мускульных поступков — вариант вообще достижимости; поэтому геометрические законы и имеют гораздо большее значение, чем наглядное, в чертеже. Поэтому-то современные геометры и стараются не основываться на чертежах, утверждают, что точки, линии, поверхности, объемы, это слова, под которыми можно подразумевать что угодно.

Все сказанное относится вообще к пространству поступков. Но наше пространство, житейское, в котором мы располагаем мир по данным наших чувств, есть частный, особый вариант этого пространства. Дело в том, что наше пространство основано на координации движения и света, мускульных усилий и зрительных впечатлений. Они очень разнятся друг от друга. Например, зрительное чувство имеет плавный переход от полного света до темноты. Мускульное имеет резкий разрыв: мы или касаемся чего-либо или нет. Есть много и других различий, дающих нашему пространству свособразие. Стереоскопичность его, конечно, мускульная поправка к зрительному ощущению.

Эта мускульно-световая (и, наверное, еще гравитационно-) координация довольно зыбка. Может случиться, под влиянием различных физиологических условий, показатели разных чувств («кривые сопротивления») начинают вдруг работать вразброд, противоречить друг другу. Пространство разрушается. Мы ощущаем это как смазывание локализации, головокружение.

Так как пространство не дано, а вырабатывается, оно захватывает не все, опытом и тренировкой можно, так сказать, «опространствить» или, наоборот, «распространствить» различные ощущения, различные элементы мира. Есть такие, которые находятся в промежуточном состоянии. Таковы запах, звук, тепло. Это заметно и в выражениях языка. Мы говорим «тепло!», к чему это относится, к предмету, к телу. Еще яснее это на примере собственного тела. Не странно ли, что зуб болит, а какой именно зуб, указать не можешь. Наконец, такие физиологические состояния, как раздражение или удовольствие либо совсем не относятся к телу, либо относятся очень неопределенно. Маленькие дети обычно указывают врачу как болезненное совсем не то место, где в действительности происходит процесс, дающий боль.

Да, пространство это наука, которой мы учимся в детстве, так же

как языку, только еще раньше.

Если же мы хотим исследовать строение нашего пространства, избавиться от его неправильностей, мы должны прежде всего сравнить его с другими возможными построениями пространства. Их тысячи, но изучив несколько, легко представить остальные. Можно построить, например, звуковое пространство или оставить световое, но совершенно изменить его, введя системой зеркал постоянное искривление светового луча. Мало ли какие опыты можно проделывать в воображении, представляя, каким пространство окажется для существа, живущего в таких или иных условиях. И тогда мы и наше привычное пространство поймем вернее.

Но всегда лучше, если это возможно, делать не только воображаемые, а и реальные опыты. Тут они вполне осуществимы. Мы, например, измеряем расстояние в уверенности, что наше тело постоянного размера. Для некоторых животных это правило неприменимо. Мы можем представить их пространство, искусственно сделав зыбкими размеры руки («резиновые перчатки»). Или использовать парность глаз, снабдив один из них одним стеклом, другой другим. Все это, конечно, первое, что приходит на ум. Но это способ реально изменять пространство.

Л. Л. рассказал о возникновении пространства Д. Д. и Я. С. Они отнеслись к этой теории без интереса. За несколько лет до того, при самом возникновении теории, Л. Л. сообщил о ней Н. М., Д. Х. и С. Выслушав, С. посоветовал Л. Л. не заниматься не своим делом, заняться лучше, скажем, критикой литературы. Но он был серьезен. Н. М. нашел блестящий ответ на то, что говорил Л. Л., тонкий и остроумный: он начертил на бумаге закорючку, вроде «рожицы кривой» и сказал: «Вот, значит, каким будет пространство». Тогда Д. Х. прибавил к закорючке хвостик и сказал: «Нет, вот каким». После этого все трое ушли. «Резиновые перчатки» еще долго не забывались, служили предметом разнообразных шуток.

Я. С.: Нельзя, говоря об основных вещах, пользоваться такими производными и неправильными выражениями, как мускулы. Надо не брать термины из анатомии или физиологии, — а с ними и их ложные понятия, — а придумывать свои термины. Объяснять пространство мускульными усилиями нелепо.

Л. Л.: Этим и неприятны были философские книги, что писавшие их считали себя владельцами царства идей, отделенного от всего остального мира. И ты тоже боишься соединять основные мировые принципы с конкретными вещами, протянуть между ними ниточки. Конечно, легче говорить общими формулами настолько широкими, что в них только на какую-то долю есть правильность. Но мне хочется достичь точности. А ты брезгаешь касаться обычных вещей.

Я. С.: Я исследовал деревья ⁸⁹.

Л. Л.: Что ты в них исследовал? Ты уловил в них только намеки, туманное очертание их значения, и ты уже горд... Между поступками и мыслями нет принципиальной разницы и мне жаль, что я не могу проверять мыслей на опыте. Ибо не стоит считаться с чужими мне-

ниги, но с действительностью считаться надо.

Затем: О Пастере.

Фабр рассказывает, что когда Пастер взялся спасти шелковичного червя от заразы, он не знал даже того, что знает каждый школьник, — что гусеница превращается в куколку, а потом в бабочку. Очевидно, он не был знаком с самыми основными трудами по этим вопросам. Однако, скоро он узнал все это на опыте, нашел возбудителя заразы и спас французское шелководство.

«В» и «на».

Почему говорят: в Малороссию, но на Украину; в Остен, но на Ривьеру; в Крым, но на Кавказ?

Потому что «на» обозначает проникновение без сопротивления, когда нет точной границы, а «в» прохождение через границу. Первое для географических и этнографических районов, второе для административных и политических. Крым прежде был царством.

А. В.: Я читаю Вересаева о Пушкине. Интересно, как противоречивы свидетельские показания даже там, где не может быть места субъективности. Это не случайные ошибки. Сомнительность, неукладываемость в наши логические рамки есть в самой жизни. И мне непонятно, как могли возникнуть фантастические, имеющие точные законы, миры, совсем не похожие на настоящую жизнь. Например, заседание. Или, скажем, роман. В романе описывается жизнь, там будто бы течет время, но оно не имеет ничего общего с настоящим, там нет смены дня и ночи, вспоминают легко чуть не всю жизнь, тогда как на самом деле вряд ли можно вспомнить и вчерашний день. Да и всякое вообще описание неверно. «Человек сидит, у него корабль над головой»⁹⁰ все же, наверное, правильнее, чем «человек сидит и читает книгу». Единственный правильный по своему принципу роман, это мой⁹¹, но он плохо написан.

Л. Л.: Но ведь это относится ко всему искусству вообще. Разве в музыке, например, не свое время? Разница лишь в том, что музыку и не считают описанием жизни, а роман считают.

А. В.: Может быть я оптимист, но я считаю теперь, что стихи надо писать редко. Я, например, еще до сих пор живу все тем же стихотворением о «гортензии»⁹²; чего же мне писать новое, пока старое, так сказать, приносит проценты.

Л. Л.: Все твои теории были всегда в высшей степени практичны: они оправдывают то, что ты в данный момент делаешь.

А. В.: Я понял, чем я отличаюсь от прошлых писателей, да и вообще людей. Те говорили: жизнь — мгновение в сравнении с вечностью. Я говорю: она вообще мгновение, даже в сравнении с мгновением.

Д. Х.: Я уважаю Н. М., а Н. А. и А. В. люблю. Так за больным Н. М. я, наверное, не стал бы ухаживать, а за темп стал.

Т. А.: Бросьте, Д. Х., ни за кем вы не будете ухаживать; ведь вы, чуть кто заболит, всегда бежите прочь.

Д. Х. говорил, что ему нравятся венскренные люди, вроде Ч.

Л. Л.: Это понятно. Почему мы относимся страстно к людям, ненавидим подлецов? Потому что мы чувствуем себя участниками событий, сталкиваемся с людьми реально или потенциально как бы на узком мостике над пропастью. Тут благодущие исчезает. А вы не участвуете ни в какой борьбе, можете смотреть точно с луны, для вас люди вроде бирюлек. Но проигрывает в последнем счете как раз не участвующий в игре.

Д. Х.: Как-то мы шли с Н. М., оба мрачные. И я придумал игру: кому что подарил бы, если б мог. Мы сразу развеселились. Это самое приятное, дарить ⁹³.

Л. Л.: Да, подарок это маленькое чудо. Жалко, что праздники так однообразны. Если бы устраивать их так, чтобы в каждый день дарили что-нибудь особенное, принятое в этот день.

Затем: О гармонии.

Д. Х.: Это единственное, чем я горжусь: вряд ли кто чувствует так гармоничность в человеке, как я. Может быть на всей земле всего тысяча таких людей. Одни чувствуют ее в руках, другие в голосе, а я во всем. И это совсем не правильность черт. Можно быть одноглазым и гармоничным. Особенно гармоничность видна на пляже. Там же она развивается. Сначала человек чувствует себя белой сосиской с красными пятнышками и ему всех стыдно; спина ниже туловища. А потом перестает думать об этом; ходит голый спокойно и с достоинством. Это останется в нем даже зимой, когда он наденет костюм. Одежда и нагота, то и другое, наши органические состояния, нельзя пренебрегать ни одним. А голым всего удобнее быть на пляже. Есть даже оправдывающая причина: купаются.

Л. Л.: Почему же вы тогда против бани?

Д. Х.: Там все заняты делом, культ мочалки. Трут так, что стирают уже внутренности, проступивший сквозь кожу почечный жир ⁹⁴. А на пляже безделье.

Л. Л.: А спорт?

Д. Х.: Там борьба, это тоже мешает.

Т. А.: Нельзя ли хоть без свидетелей, ходить голым, скажем, по лесу?

Д. Х.: Нет, одному нельзя. Одному ничего не сделать. Так же как в совершенном одиночестве и стихи не будут писаться. Путь М. вернее, чем путь Н. М. Недаром Н. М. проповедует теперь тихую гибель.

Д. Д.: В мясе голубей есть что-то неприятно сладковатое; такого вкуса, наверное, и человеческое мясо.

Д. Х.: Я как раз люблю все такого вкуса. Телячьи ножки, которым серозная жидкость придает мягкость и сладковатость; устрицы, они нравятся мне своей слизистостью. Я знаю: для большинства людей отвратительно все раздутое, мягкое, зыбкое. Между тем в этом сущность физиологии. И мне это не неприятно. Я могу спокойно приложить к губам паука или медузу.

Л. Л.: Вещи этой консистенции замечательны тем, что одновременно и возбуждают отвращение и сулят наслаждение. Эта двойственность есть и в том, что возбуждает новое чувство. Как будто

всякое сильное наслаждение — в разрушении структуры ⁹⁵.

Д. Д.: В этом суть инстинкта поедания.

Л. Л.: Поедание и половое соединение два следствия одного и того же принципа.

Д. Х.: Все же нам понятно это именно через половое чувство, через физиологию.

Л. Л.: Тут очевидно суть в освобождении от каких-то ограниченных индивидуальности, от напряжения ее, возвращение в стихию.

Д. Х.: Если так, то наибольшее наслаждение должно давать самое аморфное. Пересыпание песка приятно, потому что напоминает, будто струится вода. Но газ еще аморфнее воды. Почему же в газе нет ничего прельщающего?

Л. Л.: Вода покладиста, но не бесхарактерна, она обладает некоторым сопротивлением, принимает в земной среде какую-то свою форму. А газ просто растекается и исчезает. Он для нас как бы не существует, не стихия уже, а абстракция.

Н. А.: Я тут познакомился с одним человеком и он мне даже понравился, пока я не узнал, что его любимая картина «Какой простор!» ⁹⁶. В этой картине весь провинциализм, неопрятность и бездарность старого русского студенчества с его никчемной жизнью и никчемными песнями. А как оно было самодовольно! Осинный кол ему в могилу...

Знаете, мне кажется, что все люди, неудачники и даже удачники, в глубине души чувствуют себя все-таки несчастными. Все знают, жизнь — что-то особенное, один раз и больше не повторится; и поэтому она должна бы быть изумительной. А на самом деле этого нет.

Д. Х.: Из нас всех Я. С. единственный, который при всех условиях жил бы так же, как живет сейчас. Его произведения будут любопытны, хотя бы их нашли через тысячу лет, но не более, чем любопытны.

Л. Л.: Не думаю так. В Я. С. есть необычайное, если можно так выразиться, мыслительное чутье. Ведь и все мы, прежде всего, не обсуждаем мысль, а как-то чувствуем ее. И это чутье в Я. С. еще удивительно обострилось благодаря тому, что он в отличие от всех других мыслителей не подвержен соблазнам. Я говорю вот о чем: мир можно сравнить с государством, а мыслителей с бухгалтерами, находящимися у него на службе. И вот, все они, быть может не замечая этого сами, старались по долгу службы составить наиболее благополучный баланс, свести концы с концами во что бы то ни стало. Все подтасовывали, хотя бы уже оттого, что стремились создать стройную систему. Я. С. не чувствует себя на службе у мира. То, что ему кажется смутным, он оставляет смутным. Он небольшим.

Н. М.: У художников есть одно преимущество перед писателями: они могут без конца рисовать то, что они видят, например, цветы. И всегда это интересно и хорошо, большего и не надо; это и есть натурализм.

Л. Л.: Я думаю, тут дело в том, что цветок для познания бесконеч-

чен, а человек нет. Ведь человека дают в искусстве, как индивидуальную историю, как личность. Но может быть такой взгляд, когда и человеческие жизни предстанут писателю так же, как цветы художнику. Это тогда, когда смотреть на них не изнутри жизни героя, а так как глядит на волны человек, сидящий у моря. Тогда вещь раздвигается и в нее можно включать все, что угодно. Так написана Илиада, в которой в поэзию превращено все, что попало в поле зрения: и битвы, и споры, и родословные, и корабли, и рождения, и смерть, и картины на щите. Но для этого, наверное, нужна и другая поэтическая форма, чем принятая теперь. Гекзаметр, например, непрерывен и он естественен, как дыхание; рифма же рассекает стихи, как мир для нас рассечен на предметы, на причины и следствия; гекзаметр отличается от рифмованных стихов, как орган от рояли. Я думаю, рифмованные стихи появились и исчезнут, это недолговечная вещь. Или вы думаете и через двести лет будут так же писать стихи с рифмами?

Н. М.: Да, я в этом уверен.

Шахматная доска.

Л. Л.: В собрание священных предметов должна войти и шахматная доска. Потому что она представляет особый замкнутый мир, вариантный нашему миру. Так же есть в ней время, но свое, — пространство, предметы, сопротивление, — все свое. Там механика, точная и не худшая, чем наша, которую изучаем на земле и на небе. И с этим особым миром можно проделать решающий опыт: дематериализовать его.

Начать с того, что видимые фигуры заменить тем, что они на самом деле есть, силовыми линиями на доске. Затем разрезать шахматную доску на поля, составить колоду, разыграть шахматную партию в карты. Затем заменить эту колоду подобранной по соответствующей системе таблицей знаков; превратить ее в одну формулу, в которой при изменении одного знака, претерпевают изменения все. Обозначить конечный вид этой формулы, то что зовется в партии матом, и вывести законы преобразования формулы из начального вида в конечный.

Так один из миров превратится в саморазворачивающийся рассказ неизвестно о чем.

Я. С.: Меня интересует счастье. Помнишь у Пушкина: «С Богом в дальнюю дорогу»⁹⁷. Что там? Один убит, другой пропал без вести, «жив иль нет, узнаешь сам», дочь живет где-то в глуши, в Лизгоре, но «с мужем ей не скучно там». И тот мир, в который они провожают убитого, похож на мир теней, неизвестно, что хорошего там. Все же ясно, все эти люди счастливы. Им не страшно большое пространство, им не может быть скучно, и нет у них чувства ничтожества, которое понятно нам.

Л. Л.: Ты прав, у них невеселое счастье, но это счастье.

Я. С.: Кто же эти люди? Моряки или рыбаки⁹⁸, жители прибрежья. Это не случайно. У Гамсуна тоже действие происходит всегдѣ в прибрежном поселке. Или среди леса. Но лес, в конце концов, то же море. И, пожалуй, люди у Гамсуна тоже в большей или меньшей ме-

ре счастливы. В чем же счастье? Как ответить на это точно, исследовать счастье наподобие того, как Гете исследовал цвета?

Л. Л.: Есть один признак, по которому счастье можно отличить всегда от удовольствия. Когда удовольствие минует, оно становится совершенно безразличным, его не стоит вспоминать. А счастье и в старости, уже не существуя, сжимает сердце, вызывает умиление, улыбку или слезы. Неувядаемость, вот испытание счастья.

Затем: О разговорах и вещах одного ключа.

Я. С.: В разговорах переходят от одной темы к другой по какому-то закону; потом вдруг покидают линию, по которой шли, начинают другую. Я бы хотел узнать законы разговора. Для того, чтобы их установить, мне придется исследовать гораздо шире, как математику, который решая частную задачу добивается формулы наиболее общей, предусматривающей и такие случаи, которые фактически не встречаются. Я хочу создать математику разговоров.

Л. Л.: Есть, особенно это видно в искусстве, вещи одного ключа. Я говорю не о подражаниях, они, конечно, встречаются страшно часто, но это не интересно. Я говорю о таких вещах, как, например, «Есть упоение в бою»⁹⁹ Пушкина и «Оратор римский говорил»¹⁰⁰ Тютчева. Или: романы Мопассана и «Парижанка», фильм Чаплина в кино. Трудно определить, чем эти вещи совпадают, но чувствуется это ясно. Стоило бы составить книгу таких параллелей. Это дало бы больше для понимания искусства, чем все теории эстетики.

Д. Д.: Единственный сейчас правильный путь для изучения истории, это рассматривать не целые государства, а небольшое общество, что ли, компанию друзей, и наблюдать на этом культурном континууме все законы.

Л. Л.: Говорят, когда муравьи тащут соломинку, они тащут ее совсем не кратчайшим путем. Так же, верно, добиваются и люди до цели. Отчего никто не проследит исторической траектории хотя бы на небольшом отрезке.

Затем: О Киевской и Суздальской Руси, о реформе Столыпина, о бездорожье, об эпохе 1910—1913 гг., о норманнах, о причинах переселения народов.

Затем: Об архитектуре; здание должно быть в пейзаже, этим, верно, особенно прекрасны монгольские монастыри: огромные степи и вдруг среди них роскошный монастырь, точно жемчужина в раковине пустыни.

Н. М.: Я видел несколько раз во сне, что я умираю. Пока смерть приближается, это очень страшно, но когда кровь начинает вытекать из жил, уже совсем не страшно и умирать легко¹⁰¹.

Н. А.: Мне кажется, я видел даже больше, момент, когда будто уже умер и растекаешься в воздухе. И это тоже легко и приятно... Вообще во сне удивительная чистота и свежесть чувств. Самая острая грусть и самая сильная влюбленность переживаются во сне.

Л. Л.: Бывают и тусклые, неотвязные сны, когда продолжается то, что мучило днем. Один видит, что он все играет в карты, другой, что он работает, третий, что он без удовольствия общается с женщи-

нами. Это похоже не на сны, а на мысли, не желающие остановиться, отделившиеся и ставшие почти самостоятельными.

Д. Х.: Это желудочные сны ¹⁰².

Л. Л.: Я лично очень плохо запоминаю сны, но и другие, мне кажется, запоминают тоже не сами сны, а ближайшие к ним ассоциации, которые приходят при просыпании. Между тем, можно было бы проследить искусственно сны ¹⁰³. Некоторые люди в особой обстановке говорят вслух, что они видят во сне. Удивительно, как меняется их голос, насколько искренней, чем обычно, он становится.

Н. А.: Когда среди ночи проснешься под впечатлением сна, кажется его невозможно забыть. А утром невозможно вспомнить. Но сам тон сна настолько отличается от жизни, что те вещи, которые во сне гениальны, кажутся увядшими и ненужными потом, как морские животные, вытщенные из воды. Поэтому я не верю, что можно во сне писать стихи, музыку и т. п., чтобы потом пригодилось.

Л. Л.: Я однажды видел во сне, я читаю стихи, они мне казались изумительными. Я ничего не запомнил, только одно сравнение, которое там было. Приблизительно вот что: луна всходит на небо, как воин на крепостную стену, и, если присмотреться, на ней изображен воин на крепостной стене.

Н. М.: Когда я голодал двадцать дней, чтобы избавиться от малярии, по ночам видел все тот же сон, будто я что-то съел, было страшно обидно, что испортил все дело. От малярии я так вылечился.

Д. Д.: А как вы себя тогда чувствовали?

Н. М.: Чувствовал необычайную легкость. В голове полная ясность. Есть совсем не хотелось. Не надо было следить, чтобы менять положение тела осторожно, не делать резких движений: сердце не выдерживало, от внезапного движения становилось дурно. И еще было скучно, какая-то пустота. Когда я раз прибавил в стакан воды капелку лимона, это показалось огромным событием.

Н. А.: Еще бы, целый мир вкуса был выключен.

Н. М.: Вообще голодание благотельно: оно сжигает те остатки пищи, которые постоянно находятся в кишках, покрывая их изнутри толстым слоем, и гниют. Голодание освобождает от них.

Д. Х.: Но перед началом голодания непременно надо поставить клизму. Это мне говорили и в тюрьме опытные люди. Иначе голодание опасно и вредно.

Д. Д.: Значит те явления, которые обычно наблюдают у голодающих, не обязательны?

Н. М.: Да, это отравление ядами кишечника. Люди умирают от горячки. Еще до этого они начинают вонять.

Л. Л.: Вы ведь ставили одно время себе регулярные клизмы, Д. Х.?

Д. Х.: Да, я пробовал применять учение Йогов ¹⁰⁴.

Н. М.: У моей жены есть две теткн, уже старые, они всю жизнь ежедневно ставят себе клизмы. Они выглядят сейчас, как девочки. Конечно, книги Йогов написаны плохо, с глупыми цитатами, но это потому, что они писались для европейцев, рассчитаны на глупых англичан. Йогн несомненно знают что-то, чего мы не знаем, они мудрые

люди. Они нашли, как правильно жить, точные правила жизненной игры. А в этом все дело.

Н. А.: Что тут особенно важного, — просто особая физкультура, физиологическая гимнастика.

Н. М.: Да, гимнастика, и начинай с нее без личных претензий.

Д. Х.: Академия художеств тоже не дает таланта, однако пройти в ней курс нужно, чтобы овладеть техникой рисования.

Л. Л.: Это ложное облегчение; нельзя учиться отдельно технике. Это приобретается при чем-то.

Д. Д.: Каждый должен черпать из своей культуры. Наша нравственная техника основана на жертве, на том, что зерно не дает ростка, если само не умрет ¹⁰⁵. Без этой сути техника поведения пуста.

Н. М.: Человеку зубная боль мешает думать о чем-либо, он должен прежде всего избавиться от нее. Ему указывают как, а он не хочет и еще на что-то ссылается.

Н. А.: Верно и зубная боль чем-то ценна. Ваши йоги самодовольны; это противное занятие — прислушиваться к своим кишкам.

Д. Х.: Если ты будешь ругать йогов, я пририсую к Рабле усы и прохожу мимо монголобурятского общежития сделаю неприличный жест...

Тут Н. А. вдруг порозовел; он встал и, махнув в воздухе рукой, ни с кем отдельно не попрощавшись, ушел.

Н. М.: Глупо, глупо ведет себя; и всегда так, когда с ним спорят. На что обиделся? На то, верно, что когда разговаривал по телефону, Д. Х. назвал его уткой.

Д. Х.: Нет, дело в том, что он сел за диваном, вне общего внимания, ну, ему и стало потом обидно.

(Тут они были неправы: Н. А. не выносил, когда разговор превращался в красноречие; как раз это послужило когда-то толчком к его разрыву с А. В.)

Д. Х.: Но вообще весь этот разговор о йогах пошел по какому-то неправильному пути. Бывает так, тогда разговор следует сразу прекращать. Споры всегда бесплодны, каждый говорит в них не то, что нужно.

Затем Д. Х. представлял своего воображаемого брата Ивана Ивановича ¹⁰⁶.

Д. Х.: Это бывает с каждым: расходишься чересчур, становишься уже хвастуном, взял нотой выше, чем нужно. Как только поймаешь себя на этом, сразу сбавь тон, прекрати разговор. Признаком такого экстаза от самого себя, от того, вон как ловок, служит у многих людей покраснение носа, когда они говорят.

Л. Л.: Да, сам человек еще не замечает, что ему стыдно, а нос это уже чувствует. Это самое впечатлительное место, нос. Но что такое стыд, почему при нем краснеют, еще, кажется, никто не сказал.

Д. Х.: Нахальство — самое неприятное. Я детей потому так не люблю, что они всегда нахальные.

Л. Л.: От детей нужно требовать двух вещей: правдивости и уважения к взрослым. Они должны привыкнуть к уважению, чувство-

вать, что есть, может быть, и непонятное, но более важное, чем сам. Иначе вырастет пустой человек. Не уважающий своих родителей становится или негодяем или неврастеником, несчастным человеком.

Затем: О занятиях.

Д. Х.: Я изобрел игру в ускоритель времени. Беру у племянника воздушный шарик, когда тот уже ослабел и стоит почти в равновесии в воздухе. И вот один в комнате, подбрасываю шарик вверх и воображаю, что это деревянный шар. Спокойно подхожу к столу, читаю, прохаживаюсь, а когда шарик уже приближается к полу, подхватываю его палкой и посылаю опять под потолок. Другое занятие: пугать таксу. Я сделал собственное чучело из своего пальто и шляпы, показываю на него таксе и делаю вид, что сам испуган, прячусь. Такса тоже пугается до сумасшествия, лает, бежит прочь... А читать мне трудно. Я и так читаю очень медленно, а тут еще приходится делать все время «зайчики». Когда я читаю, это очень непривлекательное зрелище. Переворачивать страницы мне лень, а прекратить чтение тоже очень трудно: надо остановиться на хорошем слове.

Н. А.: Вчера я встретился с Н. М. и Д. Х., мы обличали друг друга.

Л. Л.: Разговор о личностях и отношениях — самый неинтересный разговор. Но бывает, за ним кроется нечто важное, определение позиций на будущее. Тогда это зашифрованный знак еще неясного поворота.

Н. А.: Он никак не помогает делу, искусству, писанию. Для него личные деда не важны.

Л. Л.: Думаю, что важны, только связь тут не простая.

Н. А.: Были бы лишь подходящие условия для писания. Д. Х., например, нужен театр; Н. М. свой журнал; мне две комнаты, а я живу в одной.

Л. Л.: Это имеет не большее значение, чем хорошо ли очинен карандаш, какого сорта бумага. Если вам трудно, то что же сказать, например, о Д. Д., Я. С., обо мне? У вас троих — Н. М., Д. Х. и у вас, — есть большие преимущества по сравнению с теми тремя. Прежде всего вы знаете точнее, что вам делать. Вам лично — писать стихи. Затем, вы талантливы; это ясно чувствуется всеми, это ценится, облегчает жизнь. Затем над вами не висит угроза самой простой гибели: не на что будет жить, в конце концов вы всегда уверены, стоит только вам захотеть, и деньги будут. Ваша жизнь легче, вы не работаете, как поденщики; а Д. Д. и Я. С. работают так. И все же мы, пожалуй, делаем больше, чем вы.

Н. А.: Мы все живем, как запертые в ящике. Больше так жить невозможно, при ней нельзя писать.

Л. Л.: Я знаю все это. Но мы не директора фабрик, для которых одиночество прекращает возможность дела. Все великие волны поднимались всегда всего несколькими людьми. У нас, мне кажется, были данные, чтобы превратить наш ящик в лодку. Это не случилось, тут наша вина. Вина А. В., которому плевать на все, кроме личного удовольствия; в результате он не скупает только с тем, кто играет с

ним в карты. Ваш разрыв с А. В. был первым знаком общей неудачи. Вина Д. Х., который при своей деланной восторженности глубоко равнодушный человек. Вина Я. С., который деспотичен, как маниак. И главная вина — Н. М. Ее трудно определить. Не в том дело, что он спокойно срывает любое общее начинание, например, словарь. Что внес, как законную вещь, ложь, и, значит, неуважение друг к другу. Он единственный мог стать центром и сплотить всех. Он всегда естественно становился на неуязвимую позицию человека, который всегда сам по себе, даже в разговоре, там же, где появляется ответственность и можно попасть в смешное или неприятное положение, он ускользает.

Н. А.: Напрасно вы вините. Просто люди разные и не было желания грести вместе. Свободы воли ведь нет. Это яснее в искусстве. Надо писать как можно чаще, потому что удача зависит не от тебя, пусть будет хоть больше шансов.

Л. Л.: Пусть вы только проводник, но от вас зависит продолжать быть проводником или нет, хорошим или плохим.

Н. А.: К этому все и сводится: создать такие условия, дать максимум в искусстве. Ящик оказался плохим помещением, значит, следует его разломать и выйти из него. Что ж, компания распадается. Когда у меня в гимназии были товарищи, тоже казалось, неужели я буду без них. Но жизнь все время создает новое. Сейчас дело уже не в компании, сейчас — спасайся, кто может.

Л. Л.: Да, кто может, спасется. Но я думаю, что это был единственный возможный выход. А теперь ясно, оставлен на самого себя.

Н. А.: Главное, уже не весело вместе. Видали вы, как Н. М. едет в гости. Унылый, воротник поднят, кепочка маленькая, длинный нос опущен книзу, в кармане стручок перца на случай если будет водка.

Л. Л.: На что похоже время? Самый этот вопрос кажется странным. Так привыкли мы к тому, что время единственно, всеобъемлюще, ничего подобного ему нет, мы находимся в нем, как в воздухе.

Его и не замечали сначала, как воздух. Но в воздухе есть свои зоны сгущения, разряжения, есть его несовпадения с движением человека, ветер. Это позволило его исследовать. И время тоже не однообразно.

Если бы удалось, хотя бы мысленно, выкачать время, поняли [бы], как будет без него.

Мы ощутили [бы] неискоренимое удивление: как это может быть — было и нет. Или все всегда существует или ничего и никогда не существует. Очевидно, есть какая-то коренная ошибка, от которой надо освободиться, чтобы понять время. И мы нащупываем среди обыденных вещей те, которые многозначительны, точки, под которыми спрятаны ходы внутрь. Мы хотим распутать время, зная, что вместе с ним распутывается и весь мир, и мы сами. Потому что мир не плавает по времени, а состоит из него.

Время похоже на последовательность, на разность и на индивидуальность. Оно похоже на преобразование, которое кажется разным,

но остается тождественным.

Мы хотим видеть уже сейчас так, как будто мы не ограничены телом, не живем.

На этом кончается запись разговоров. Разговоры происходили в 1933 и 1934 гг. В них участвовало семь человек.

Зачем я предпринял эту неблагодарную работу? И как хватило терпения ее довести до конца?

Меня интересовало фотографирование разговоров, то, чего, кажется, никто не делал: я пробовал сохранить слова нескольких связанных друг с другом людей в период, когда связь их стала разрушаться; мне хотелось составить описи собственных мыслей, чтобы знать, что делать дальше.

(1933—1934)

Примечания

«Разговоры» являются аутентичной (насколько это возможно вручную) записью бесед, происходивших в 1933—1934 гг. в узком кругу «чинарей» и их друзей. Отрывки этих записей Липавского воспроизводились в следующих изданиях: Т. А. Липавская. Встречи с Николаем Алексеевичем и его друзьями. — В сб. «Воспоминания о Н. Заболоцком», М., 1984, сс. 52—56 (далее — *Липавская*); Леонид Липавский. Из разговоров «Чинарей». — «Аврора», 1989, № 6, сс. 124—131. Публ. А. С. Друскиной (далее — *Аврора*); Леонид Липавский. Разговоры. — «Московский наблюдатель», 1992, № 5—6, сс. 54—63. Подг. текста, примеч. и проч. пост. слова А. Герасимовой (далее — *МН*).

Основные участники «Разговоров»: А. А. — Леонид Липавский; Д. Х. — Даниил Хармс; Н. М. — Николай Макарович (Олейников); А. В. — Александр Введенский; Н. А. — Николай Алексеевич (Заболоцкий); Я. С. — Яков Семенович (Друскин); Д. Д. — Дмитрий Дмитриевич (Михайлов — друг Липавского, университетский преподаватель и автор книг о городах); Т. А. — Тамара Александровна (Липавская — жена А. С. Липавского).

«Разговоры» публикуются по машинописному экземпляру, любезно предоставленному Лидией Семеновной Друскиной.

- 1 Ср. стихотворения Олейникова: «Кузнечик, мой верный товарищ...», «Муха», «Таракан», «Из жизни насекомых», «Жук-антисемит» и др. (соотв. №№ 2, 56, 57, 58, 61—67 по изд.: Николай Олейников. Пучина страстей. Вступ. ст. А. Я. Гинзбург и А. Н. Олейникова; сост., подг. текста и примеч. А. Н. Олейникова. — А., 1990 (далее — *Пучина страстей*). Известно, что у Олейникова дома была энтомологическая коллекция.
- 2 Ср. в стих. «Служение Науке»: «Везде преследуют меня... Мечты о спичках, мысли о клопах, О разных маленьких предметах» (*Пучина страстей*, № 27).
- 3 Ср. стих. «Озарение» (*там же*, № 28), в котором, возможно, пародируется чинарская идея «иероглифов» (см. ниже).
- 4 Ср. стихотворения из цикла «Столбцы»: «Футбол», «На рышке», «Свадьба» и др. (См., напр.: Н. Заболоцкий. Собрание сочинений в трех томах. Том первый. — М., 1983 (далее — *Заболоцкий*). Соотв. стр. 343, 352, 357).
- 5 Пренебрежительные высказывания о французах встречаются и ниже в «Разговорах».
- 6 К 1933 году относится поэма Заболоцкого «Птицы» (*Заболоцкий*, с. 112).
- 7 Вариант этого текста (возможно, запись, сделанная Хармсом по просьбе Липавского) воспроизведен в публ.: Дневниковые записи Даниила Хармса. Публ.

- А. Устинова и А. Кобринского. — *Минувшее*, вып. 11, Париж, 1991 (далее — *Минувшее*), сс. 471—472; Даниил Хармс. «Боже, какая ужасная жизнь и какое ужасное у меня состояние». Записные книжки. Письма. Дневники. Публ. В. Глоцера. — «Новый мир», 1991, № 2, сс. 193—195 (далее — *НМ*).
- 8 Ср. трактат Хармса под таким названием. (Здесь и далее тексты, воспроизводимые в настоящем издании, упоминаются без дополнительных ссылок).
- 9 Многие тексты Хармса связаны с построением и нарушением числовых последовательностей; ср. трактат «Числа не связаны порядком...»
- 10 В записях Хармса нередко встречаются знаки и графические символы; часть их, в т. ч. хармсовская «тайнопись», поддается расшифровке и толкованию. См. об этом: Александр Никитаев. «Тайнопись» Даниила Хармса. Опыт дешифровки. — «Даугава», 1989, № 8, сс. 95—99; Анна Герасимова, Александр Никитаев. Хармс и «Голем». — «Театр», 1991, № 11 (далее — *Театр*), сс. 36—50.
- 11 Ср. известную запись Хармса «Меня интересует только чувшь...» (см.: *НМ*, с. 218).
- 12 О людях этого типа, людях «с улицы», которым свойственны, в частности, «некоторый алогизм в стиле мышления и иногда творческая сила, неожиданно пробужденная психической болезнью», и к которым всегда тянуло Хармса, вспоминал его друг В. Н. Петров. См.: В. Н. Петров. Даниил Хармс. Публ. В. Глоцера. — *Панорама искусств* 13, М., 1990, с. 243.
- 14 По воспоминаниям, Хармс любил и умел показывать фокусы, носил для этого с собой раскрашенные шарiki для пинг-понга. См., напр.: А. И. Порет. Воспоминания о Данииле Хармсе. Публ. В. Глоцера. — *Панорама искусств* 3, М., 1980, сс. 358—359.
- 15 Одно из свидетельств этого хармсовского интереса — сохранившиеся в его бумагах планы воображаемых квартир (ср. о них ниже в тексте «Разговоров»).
- 16 К этому времени (1933) относится так называемый «дневник» Хармса, в котором он вел практически ежедневную запись событий (воспроизведен в изданиях, упомянутых в примеч. 7). Известна также более поздняя запись в «голубой тетради»: «Каждый день раскрывай эту тетрадку и вписывай сюда не менее полстраницы. Если нечего записать, то запиши хотя бы по примеру Гоголя, что сегодня ничего не пишется» (*НМ*, с. 215).
- 17 «Колесо» — один из важных для Хармса иероглифов (здесь и далее употребляю это слово в «чинарском» смысле), очевидно, связанный с понятием «чистоты» и «реальности искусства». Так, напр., в письме к К. Пугачевой от 16 октября 1933 г. Хармс пишет: «Я не знаю каким словом выразить ту силу которая радует меня в Вас. Я называю ее обыкновенно *чистотой*» (далее в черновике зачеркнуто:) «или водой или вертящимся колесом» (ОРИК ГПБ, ф. 1232 (далее — *Фонд*), № 395, л. 6.). Ниже в письме речь идет о том, что настоящее искусство, обладающее «чистотой порядка», принадлежит к «первой реальности», «оно обязательно реально». (Письма Хармса к К. Пугачевой см., напр.: Даниил Хармс. «Я думал о том, как прекрасно все первое!». Публ. В. Глоцера. — «Новый мир», 1988, № 4, сс. 133—142). О связи воды с колесом ср. в стих. 1933 г. (2 сентября) без названия, которое начинается так: «Я понял будучи в лесу / вода подобна колесу» и, судя по окончанию («я лег / и мысли большие нет»), описывает своего рода медитативное состояние. Сохранилось выполненное Хармсом изображение «колеса» с подписью «REAL» (воспр. в изд.: Даниил Хармс. Полет в небеса. Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. А. А. Александрова. — Л., 1988 (далее — *Полет в небеса*), с. 5; в цвете — на 1-й стр. обложки журнала *Театр*).
- 18 О «каббалистических» занятиях Хармса говорится, в частности, в вышеупомянутой статье «Хармс и «Голем»» (*Театр*).
- 19 «Иероглиф двузначен, — писал Я. С. Друскин в своем исследовании творчества Введенского «Звезда бессмыслицы», — ... собственное значение иероглифа — его определение как материального явления — физического, биоло-

гического, физиологического, психофизиологического. Его несобственное значение не может быть определено точно и однозначно, его можно передать метафорически, поэтически, иногда соединением логически несовместных понятий, т. е. антиномией, противоречием, бессмыслицей. Иероглиф можно понимать как обращенную ко мне непрямую или косвенную речь нематериального, то есть духовного или сверхчувственного, через материальное или чувственное» (Фонд, № 15, л. 5; также: *Аврора*, с. 109). Термин «иероглиф» был введен в круг «чинарей» Липавским. Ниже в «Разговорах» можно найти смутные упоминания о некоем словаре иероглифов, который участники «Разговоров» собирались совместно составлять, разбираются причины, по которым идея не была осуществлена. (Попытку выстроить подобный «словарь» на основе личного языка Введенского см. в моей статье: «Уравнение со многими неизвестными. Личный язык Введенского как система знаков». — «Московский вестник», 1990, № 7, (далее — *МВ*), сс. 192—206; к сожалению, вместо термина «иероглиф» в этой статье употребляется неудачное выражение «символ-знак»).

- 20 Одно время Липавский вел запись своих снов (тетрадь «Сны», Фонд, № 68). Аналогичные записи, выросшие в целое философское произведение «Сон» (часть книги «Сон и явь»), есть и у Друскина. Между прочим, достоверно известно, что записью (сбором) чужих снов занимался как раз в то время (нач. 1930-х гг.) и бывший обзирюнт Конст. Вагинов; см. его роман «Гарпагония» (одно из предварительных названий — «Собиратель снов»), напр., в собр.: Конст. Вагинов. Козлиная песнь: Романы. Вступ. ст. Т. А. Никольской, примеч. Т. А. Никольской и В. И. Эрля. — М., 1991.
- 21 Ср. ниже в тексте о «волновом строении мира» (примеч. 35).
- 22 Ср. трактат Липавского «Головокружение» (Фонд, № 60).
- 23 Ср. в трактате Липавского «Исследование ужаса» (Фонд, № 61).
- 24 Там же.
- 25 Ср. в трактате Хармса «Предметы и фигуры»: «такой предмет РЕЕТ».
- 26 Очевидно, небольшой прозаический текст Введенского «Заболевание сифилисом, отрезанная нога, выдернутый зуб» (опубл.: А. Введенский. Полное собрание сочинений. Сост., вступ. ст. и примеч. М. Мейлаха. — Анн Арбор, 1980—1984 (далее — *Введенский*), т. 2, № 36). ... Выдернутый зуб. Тут совпадение внешнего события с временем. Ты сел в кресло. И вот пока он варит шипцы, и потом достает их, на тебя начинает надвигаться время, время, время, и наступает слово вдруг и наступает наполненное посторонним содержанием событие. И зуб исчез. Все это меня пугает. Тут входит слово никогда». По воспоминаниям близких, Введенский боялся зубного врача (см.: Елизавета Сергеевна Коваленкова вспоминает. — *Театр*, с. 98).
- 27 Неоднократные встречи и беседы во сне с покойным А. В. Георгом, преподававшим словесность в гимназии им. Лентовской, где учились Друскин, Липавский, Введенский, описаны Друскиным в упоминавшемся дневнике (не назвать ли его «ночником?») — исследовании «Сон». Об этом сне и его возможном толковании см. в моей статье «Даниил Хармс как сочинитель: Проблема чуда».
- 28 См. примеч. 19.
- 29 Текст поэмы не сохранился.
- 30 Ср. известный «случай» Хармса под названием «Встреча». (Полный текст: «Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси. Вот, собственно, и все»).
- 31 Исследование Друскина «Вестники и их разговоры», в котором идет речь о параллельном мире и населяющих его существах (Фонд, № 5).
- 32 Имеется в виду «критическая философия» Иммануила Канта («Критика чистого разума» — 1781, «Критика практического разума» — 1784, «Критика способности суждения» — 1790).
- 33 Ср. рассуждения о том же в «серой тетради». Характерный «модернистский»

- образ рассыпавшегося мира возникает у Введенского также в поэме «Кругом возможно Бог» («Весь рассыпался мир...»), стих. «Четыре описания» («Не разглядеть нам мир подробно, ничтожно все и дробно») и в некоторых других текстах.
- 34 Тракта́т Липавского «Теория слов» (Фонд, № 58) является попыткой самостоятельно построить теорию происхождения и функционирования слов.
- 35 Отметим, что иероглиф «волна» как знак относительности, колебания между жизнью и смертью, предметным и не предметным мирами важен и в системе иероглифов Введенского (ср.: *МВ*, с. 201).
- 36 Об этой теории Липавского и переключке ее с теориями американского лингвиста Б. А. Уорфа упоминает Друскин в «Чинарях» (*Аврора*, с. 113).
- 37 Значение этого звуко сочетания остается пока что темным. Можно, однако, вспомнить здесь аналогичное темное место у Хармса в «Правилах жизни», составленных им в ноябре 1927 г., где пункт 5-й обозначен как «п — р», без каких-либо объяснений. (См.: *Минутное*, с. 445).
- 38 Тракта́т Я. С. Друскина (Фонд, № 6) — попытка построить логико-философскую систему от нуля, при помощи первичных логических понятий и операций. Очевидно, этим трактатом инспирировано стихотворение Хармса «Нет перь».
- 39 Ср. в письме Друскина к Хармсу «Как меня покинули вестники» (1937): «Я думал написать словарь или собрание исследований и каждое начиналось бы так: «Вот что сказал ученик Фалеса, когда учитель замолчал, так как вдохновение покинуло его».
- 40 А. В. Георг.
- 41 Начало стихотворения А. С. Пушкина «Воспоминание» (1828).
- 42 Т. е. стих. «Хвала изобретателям» (*Пучина страстей*, № 26), 1932, где, в частности, есть следующая строка-обращение Олейникова к изобретателям различных «мелких и смешных приспособлений»: «Бирюльки чудные, — идеи ваши — мне всего дороже!»
- 43 Марр Николай Яковлевич (1864/65—1934) — лингвист, востоковед, автор «Яфетической теории» происхождения языков («Новое учение о языке»).
- 44 Ср. в стих. Заболоцкого «Школа Жуков» (1931): «Время кузнечика и странство жука — Вот младенчество мира» (*Заболоцкий*, с. 112).
- 45 Фламарион Камиль (1842—1925) — французский астроном.
- 46 Ср. примеч. 15. Об этой же привычке Хармса пишет Друскин в «Чинарях» в связи с «бытностью» Хармса, то есть с его вниманием к быту, к мелочам и деталям повседневной жизни (*Аврора*, с. 107).
- 47 Джинс Джеймс Хопвуд (1877—1946) — английский физик и астрофизик, чьи книги издавались в русском переводе: «Вселенная вокруг нас» в 1932, «Движение миров» — в 1933 г.
- 48 Берг Лев Семенович (1876—1950) — физико-географ и биолог, с 1946 г. академик, в 1918—1930 профессор географии Петроградского / Ленинградского университета, автор ряда работ, в том числе «Номогенеза» — теории эволюции живых существ, которая в 30-е годы была подвергнута суровой критике как противоречащая основам дарвинизма.
- 49 Ср. свидетельство А. Гитовича о Заболоцком, который сказал ему в 1927 г.: «Я, знаете, не читаю Пастернака. Боюсь, еще начнешь подражать» (в кн.: А. Македонов. Николай Заболоцкий. Жизнь, творчество, метаморфозы, изд. 1-е, А., 1968, с. 103).
- 50 Увы, об этой «автобиографии» нам больше ничего не известно.
- 51 Деталь, отмеченная несколькими мемуаристами. Так, И. Рахтанов пишет: «... он расхваливал мне боксерские ботинки, которые купил накануне. Ему очень хотелось, чтобы все сотрудники его журнала обзавелись такими же удобными, легкими, недорогими». (И. Рахтанов. Рассказы по памяти. — М., 1971, с. 109).
- 52 Имеются в виду беседы гоголевского героя с нищими: «Гм! что ж тебе разве хочется хлеба?» обыкновенно спрашивал Иван Иванович. «Как не хотеть! го-

лодна, как собака". — "Гм!" отвечал обыкновенно Иван Иванович: "так тебе, может, и мяса хочется?... Ну, ступай же с Богом... ведь я тебя не бью!"» («Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

- 53 Стихотворение «Мне жалко, что я не зверь...» («Домашнее» название — «Коввер гортензия»). См., напр.: *Введенский*, № 26.
- 54 Строка из стихотворения В. Хлебникова «Люди, когда они любят...» (1911).
- 55 Иначе «Учение о цвете» (конец 1820-х гг.) — теоретическое сочинение И. В. Гете о природе цвета и цветовосприятии, направленное против ньютонской теории цвета.
- 56 Есть разноречивые воспоминания современников о комнате Хармса: одним запомнилась «левая», авангардистская комната, украшенная разными забавными приспособлениями, другие утверждают, что комната была вполне обычной. Очевидно, комната, где жил Хармс до этого «переселения», была «левой», а та, в которую он переселился (в той же квартире) — «обычной».
- 57 Впервые теория «полой вселенной» была выдвинута американцем К. Саймонсом, бывшим пехотным капитаном, который в 1818 г. разослал всем членам конгресса письмо, где говорилось: «ВСЕМУ МИРУ. Я заявляю, что земля полая и населена внутри... Я обязуюсь доказать реальность выдвигаемой мною мысли и готов исследовать внутренность земли, если мир согласится помочь мне в моем предприятии». По его мысли, внутри земли находятся пять концентрических сфер, обитаемых как снаружи, так и изнутри; благодаря отверствиям на полюсах можно перемещаться с одной сферы на другую. В 1869 г. аналогичное озарение снизошло на другого американца: Сайруса Рид Тид, специалист по алхимической литературе, стал издавать газету «Огненный меч», к концу века собрал более 4000 фанатиков и основал свою религию, построенную на идее полой земли. В 1914 г. на старые номера «Огненного меча» случайно наткнулся немецкий авиатор Бендер. В своей теории он использовал также идеи американца Маршала Б. Гарднера, доказывавшего в работе 1913 г., что солнце находится не над землей, а внутри, причем его лучи оказывают на жителей земли давление, удерживающее их на вогнутой поверхности. Наружная поверхность сферы представляет собой бесконечную каменную скалу; в центре сферы — абсолютная пустота, в которой находятся солнце, луна и призрачный мир (шар синеватого газа, в котором мерцают зернышки света, принимаемые нами за звезды). В тридцатые годы учение Бендера распространилось среди немецкого офицерства, затем стало одной из официальных космологических теорий немецкого рейха, одобренных самим фюрером. В 1943 г., однако, эта теория потерпела крах, не подтвердившись на практике: пытаясь обнаружить английский флот, немцы направили радары прямо в небо, но не получили желаемого результата. (см.: А. Повесть, Ж. Пержье. Утро магов. Власть магических культов в нацистской Германии. (Пер. с франц.) — М., 1991, сс. 48—50. Искренне благодарю М. Д. Столповского, которому я обязана этой справкой). Отмечу, что в бумагах Хармса имеется чертёж «полой вселенной», на котором обозначены следующие концентрические сферы (от края к центру): «Земная кора на которой мы живем»; «Море лав»; «Огненное кольцо Тартара»; «Празвезды»; «Пустота»; «Кольцо движения»; «Кора Земли век» (?); «Жидкая Радуга»; «Ляцо Мира или Ноль».
- 58 Ср. «Душевный праздник» Друскина.
- 59 «Гильгамеш» — шумеро-аккадский мифологический эпос (3-е — нач. 2-го тыс. до н. э.).
- 60 Очевидно, речь о романе «Убийцы вы дураки», который считается утраченным и пока не обнаружен.
- 61 Ср. письмо Заболоцкого к Введенскому «Мои возражения», где он упрёкает последнего в «слепоте».
- 62 Выполненное Заболоцким переложение этой книги для детей печаталось в №№ 4—10 журнала «Еж» за 1934 год, затем вышло отдельным изданием: Ридле Ф. Гартганга и Пантгарюэль. Для детей обраб. П. Заболоцкий [Илл.

- Г. Доре, послес. и прим. Б. Рейзова]. — М. — Л., 1935. Ср. статью Заболоцкого «Рабле — детям» (*Заболоцкий*, т. I, с. 525—530).
- 63 Пиранези Джованни Баттиста (1720—1778) — итальянский рисовальщик и гравёр, часто изображавший зарастающие развалины.
- 64 Лиссабонское землетрясение произошло в 1755 г.
- 65 То же самое сказано Друскиным о Хармсе в «Чинарах» (*Аврора*, с. 112).
- 66 Морозов Николай Александрович (1854—1946) — ученый, автор ряда трудов по химии, физике, астрономии, математике, истории, частично написанных в заключении: за участие в «Народной воле» Морозов был приговорен к вечной каторге, просидел в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях с 1882 по 1905 гг.
- 67 Ср. примеч. 28.
- 68 Против Локка была направлена «Теодицея» (1710) Г. В. Лейбница.
- 69 Ср. примеч. 26.
- 70 «П.» — Пропп Владимир Яковлевич (1895—1970), филолог, фольклорист, с 1936 г. профессор Ленинградского университета; ср. его «Морфологию сказки» (1928), «Исторические корни волшебной сказки» (1946).
- 71 «Книга мертвых» — древнеегипетский мифологический текст, составлявшийся начиная с периода Нового царства (с 18 в. до н. э.) и до конца истории Древнего Египта.
- 72 Очевидно, к «Книге мертвых» восходит одно из письменных заклинаний Хармса, снабженное магическим рисунком: «Я о, я сирь, я ись...» (Автограф опубл. А. Александровым: *Полет в небеса*, с. 129; см. также «Хармс и "Голем"» (*Teamp*)).
- 73 Подробнее об этом см. в трактате Липавского «Исследование ужаса».
- 74 Ср. примеч. 28.
- 75 Тураев Борис Александрович (1862—1920) — востоковед, историк, филолог, академик Российской АН, автор, в частности, трудов по истории религии.
- 76 Эккерман Иоганн Петер (1792—1854) — немецкий писатель, секретарь и друг И. В. Гете, чьи «Разговоры с Гете в последние годы его жизни» (1837—1848) впервые полностью вышли по-русски в 1934 г.
- 77 Ср. в тексте Хармса «Однажды я пришел в Госиздат...», который можно приблизительно датировать тем же 1934 годом: «Теперь я все понял: Леонид Савельевич немец. У него даже есть немецкие привычки. ... Даже по ногам видно, что он немец» (см., напр.: *Полет в небеса*, с. 446).
- 78 Имеется в виду «Прощальная симфония» (1772) И. Гайдна.
- 79 Стихотворение А. С. Пушкина (1829).
- 80 Ср. в дневнике Е. Шварца: «он [Олейников] даже как-то предупредил меня, что близких людей нет у него. Что если ему будет нужно, то он и меня уничтожит. ... Да, он, вероятно, мог убить, но при случае и не в свою пользу» (Евгений Шварц. Живу беспокойно... Из дневников. Сост., подг. текста и примеч. К. Кириленко. — М., 1990).
- 81 Ср. примеч. 28.
- 82 Речь идет об «Илиаде» Гомера.
- 83 «Торжество Земледелия» (1929—1930) — поэма Заболоцкого, встреченная в штыки догматической критикой.
- 84 По-видимому, речь идет о присуждении Нобелевской премии по физике в 1933 г. Э. Шредингеру и П. А. М. Дираку за создание квантовой механики. (Подсказано А. Т. Никитазевым).
- 85 Утверждение достаточно голословное. Но из текстов Введенского можно заключить о той связи в его поэтике (т. е. подсознании), которая существует между мифологемами «лодка», «море», «музыка». Отмечу также, что мотив лодки, корабля, вообще передвижения по воде (традиционный мифопоэтический способ переправы в иной мир) играет немалую роль и в детских стихах Введенского, где присутствует, разумеется, в «снятом» виде.
- 86 Дармакирти (Дхармакирти), Дигнага — индийские философы 5—7 вв., представители буддийской логики.

- 87 Журден в пьесе Мольера «Мещанин во дворянстве» (действие 2, явл. 6).
- 88 Здесь и ниже речь идет о книге французского энтомолога Ж. А. Фабра «Жизнь насекомых».
- 89 Ср. в «Разговорах вестников»: «Меня интересует неподвижность деревьев. ... Меня интересуют деревья в саду во время дождя. В их расположении я заметил небольшую погрешность. ... Меня интересуют корни деревьев, скрытые под землей, то место, где они выходят наружу и гладкий ствол» (1933. Фонд, № 5, с. 19). Ср. письмо Хармса к Друскину «Пять неоконченных повествований» (1937) из тетради «Гармониус»: «... 14. Долго шумел философ. Но мы оставим эту шумную повесть и перейдем к следующей тихой повести о деревьях. 15. Философ гулял под деревьями и молчал, потому что вдохновение покинуло его». (Ср. примеч. 39).
- 90 Ср. в «Серой тетради»: «Про человека, который раньше одевал шапку и выходил на улицу, мы говорили: он вышел на улицу. Это было бессмысленно. Слово вышел, непонятное слово. А теперь: он одел шапку, и начало светать, и небо взлетело как орел». (Опубли.: *Введенский*, с. 186).
- 91 См. примеч. 60.
- 92 Т. е., стих. «Мне жалко, что я не зверь...»; см. примеч. 53.
- 93 Ср. рассуждение о подарках в «Трактате более или менее по конспекту Эмерсона».
- 94 Ср. стих. Хармса «Баня» (в подборке текстов: Д. Хармс: «Голые люди дерутся ногами...» — «Россия», 1991, № 7 (15), 16—22 февр. Публ. В. Глоцера).
- 95 Ср. в «Исследовании ужаса».
- 96 Картина И. Е. Репина.
- 97 Начало стих. А. С. Пушкина «Похоронная песня Иакинфа Маглановича» (из «Песен западных славян», 1834). Ниже имеются в виду строки: «Дочь моя живет в Лизгоре; С мужем ей не скучно там...».
- 98 См. примеч. 84.
- 99 Строка из песни председателя в пушкинском «Пире во время чумы» (1832).
- 100 Начало стих. Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1836). Имеются в виду, очевидно, известные строки из этого стихотворения: «Счастливы [Блажен], кто посетил сей мир В его минуты роковые...», соотносимые с предыдущей цитатой из Пушкина.
- 101 В отрывке из «Разговоров», приведенном Т. Липавской, после этого идет цитата из стих. Введенского «Четыре описания»: «И признак жизни уходил из вен и из аорт» — очевидно, более позднее примечание Друскина или самой Липавской. (См.: *Липавская*, с. 55).
- 102 Ср. в «голубой тетради» Хармса: «Спи мой мальчик и не пугайся глупых снов, Глупые сны от желудка».
- 103 См. примеч. 20.
- 104 В молодости Хармс интересовался учением йогов. Об этом говорят и выписанные в записных книжках названия соответствующих книг, и, например, такие записи: «Изучай и пользуй хатху и карму йогу» (вышеупом. «Правила жизни» 1927 г. — *Минувшее*, с. 445); через десять лет: «... Когда-то у меня была поза индейца, потом Шерлока Холмса, потом йога, а теперь раздражительного неврастеника» (опубл. там же, с. 498).
- 105 Пересказ слов Христа: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Евангелие от Иоанна, 12, 24); эти же слова Ф. М. Достоевский поставил эпиграфом к роману «Братья Карамазовы».
- 106 О подобных хармсовских «представлениях» есть свидетельства в мемуарах: опубликована фотография, на которой Хармс изображает своего несуществующего брата — Ивана Ивановича Хармса, бывшего приват-доцента Санкт-Петербургского университета» (*Полет в небеса*, с. 352; *МН*, с. 63). Ср. также: Четя Пузыревых. «Толкнув нечаяно Михаила...» — «Независимая газета», 1991, 2 ноября, с. 8.